

18+

Сергей Гришин

ПУТЕШЕСТВИЕ ТУДА И СЮДА

Оптимистический постапокалипсис.
История третья

Сергей Гришин

Путешествие туда и сюда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68765703

ISBN 9785005944122

Аннотация

Иван со своими спутниками прибывает в Асгард. Однако, долго там ему погостить не удаётся – надо спастись от гнева Одина, которого он случайно оскорбил. А заодно и мамины следы искать. Тем более, что на дне моря находится таинственный архив, который может помочь в её поисках. А может и не помочь. В сборник вошли 4 истории, опубликованные ранее отдельными книгами.

Содержание

Часть 1. В Асгарде	5
Часть 2. На дне	102
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Путешествие туда и сюда

Сергей Гришин

© Сергей Гришин, 2022

ISBN 978-5-0059-4412-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. В Асгарде

1

В начале было слово. Одно. Совершенно безобидное. И никто не мог себе даже представить, что последует за этим. Никто, включая меня, не думал, что Мёд Альтернативной Поэзии так встряхнёт мои мозги, что в срочном порядке придётся покидать Асгард, пока его владыка, Один, не придумал особо изуверский способ казни бестолкового и совершенно не воспитанного гостя. Ну, разве что, Локи догадывался, что

не стоит мне наливать этого пойла. Но это не точно.

А начиналось всё так приятно. Наша маленькая флотилия в составе Варяга, катеров Тора и Браги, да ещё транспорта валькирий, приземлилась на огромной площади прямо перед дворцом Одина. Это мне Локи объяснил.

Резиденция владыки представляла собой высоченную гору, увенчанную короной из трёх вершин. В этой горе поблескивали окна разных размеров и формы, украшенные паутиной лепнины. А наверху из стены наподобие гриба чаги выпирал балкон. Так высоко, что стоявший там человек показался мне просто размытой точкой.

Вообще, весь небесный город Асгард, в отличие от той же Москвы, стремился ввысь, будто мало ему было того, что он и так порхает в поднебесье. Кроме горы дворца здесь стояло ещё пара десятков несусветно высоких строений. Впрочем, подобное стремление вверх, возможно, было обусловлено малой площадью самого небесного города.

Валькирии, все, кроме дочки Тора Труд, вместе с асами тут же куда-то исчезли, оставив нас восхищаться местной архитектурой.

– Интересно, здесь лифт или телепорты, как в Петербурге? – проговорил Аркадий Петрович, задрав голову вверх.

– Ни то, ни другое, – усмехнулся Локи.

– Неужели по лестнице придётся ползти? – проворчал Антуан, потерев свой крючковатый нос. – Тут этажей сто наберётся. И Один, как пить дать, обитает на самом верху.

Малышка Труд выдула розовый пузырь жвачки и, лопнув его, пояснила, не прекращая жевать:

– Радужный мост.

– Биврёст? – вспомнил я название из северных саг.

– Да не, – отмахнулась девица. – Обычный.

– О чём разговор? – цепкая ручка ловко схватила меня под локоть, и я почувствовал медовый аромат.

Хель на прощанье подарила Василисе какую-то воду в очень маленькой бутылочке. Почему-то тётя Лена назвала её туалетной, хотя туалетом от этой воды, к моему облегчению, не пахло. А пахло мёдом. В принципе, приятный аромат. Но со стороны Василисы несколько необдуманно было так часто мазаться этой штукой. Хорошо, уже август подходил к концу. Иначе пчёлы и прочие шмели повсюду преследовали бы мою супругу, жужжанием сообщая о её появлении.

– Радужный мост, – прочавкала Труд и легкомысленно махнула рукой в направлении дворца. – Транспортная система Асгарда.

– Почему Радужный? – заинтересовался Бронислав Матвеевич. – Неужели в основе её лежат какие-то оптические процессы?

– Ну, так, с непривычки могут в глазах разноцветные круги плавать, – юная валькирия расплылась в улыбке и выдула шар чуть меньше её головы.

Локи поглядел на дочку аса, как показалось мне, с укором,

а потом соизволил объяснить:

– Радужный он потому, что открыт для всех. Для абсолютно всех рас и гендеров.

– Чего? – не понял я.

– Ну, гендеры, – произнесла Василиса таким тоном, словно я был тупым учеником, а она учительницей. – Это мужчины и женщины.

– А ещё трансгендеры, зоогендеры, аквабиогендеры, го-мокибернатурогендеры, – начал перечислять Локи, – чёрные, белые, жёлтые, красные, голубые, розовые, зелёные, полосатые, мохнато-перепончатые, клювофилы, червефобоинсайдеры...

Василиса подавилось смешком, лицо Бронислава Матвеевича приобрело свекольный оттенок, у Антуана отвисла челюсть, Аркадий Петрович сосредоточился на ковырянии ботинком мостовой, а я попросту ничего не понял.

Рядом раздался вежливый стук копытом по камням.

– Алё, просвещённая Европа, – встрял в разговор Ницше. – А ослам-то туда можно? Поймите меня правильно, я бы и по лестнице погонял. Лучше, конечно, вниз, но я и вверх готов. Иван, если что, меня донесёт. Я в него верю. – Кажется, при этих словах он заговорщицки подмигнул. Не успел я возмутиться, как эта наглая ушастая морда продолжила: – Мне просто очень-очень интересно поглядеть на всех этих разноцветных псевдомохнатых уткорылов. А тебе, Че?

Котёнок, сидевший у него на спине, согласно мяукнул.

– Да тебе куда угодно можно, – улыбнулась Труд, потрепав ослика за ухо. – Там только собакам на роликах и с мороженым нельзя. Не знаю, почему.

– Потому что они невоспитанные, – выдвинул свою версию Ницше. – Лают с набитым ртом, отчего мороженое на скорости разлетается по всему мосту, а потом появляются все эти разноцветные личности, которые, если их отмыть, оказываются обычными людьми.

2

Судя по картинкам, размещённым на стене при входе в эту радужную транспортную систему, собакам, практикующим катание на роликах, и при этом поглощающим мороженое, входить сюда, действительно, запрещалось. А сам принцип действия напомнил мне Москву. Только там трубы размещались в толще городского грунта, а здесь они были прозрачными и ветвились по всем коридорам дворца.

А люди в них перемещались вполне обычные. Одежда, правда, иногда смотрелась дико и нелепо, вроде кофточки из розовых перьев на толстом лысом мужике. Проехали несколько типов с коричневыми лицами, что меня вообще не смутило – я же книжки читал. Так что, встав следом за Локи в трубу, слегка переливающуюся от солнечного света, льющегося сквозь витражные окна первого этажа, я испытал лёгкое разочарование.

– А откуда он знает, куда нас надо тащить? – спросил Аркадий Петрович, когда мы дружной толпой потихоньку

поплыли вперёд и вверх, огибая колонны, нефы, портики и прочие углы.

– Я ему сказал, – коротко ответил Локи.

– Да? – удивился Ницше. – Ты, вроде молчал.

– Эта штука управляется ментально, – прочавкала Труд. –

Ничо говорить не надо. Достаточно просто мысленно приказать.

Мой ослик тут же умолк и изобразил сосредоточенность. Даже хвост его выпрямился и торчал странной антенной.

Как я заметил, Антуан тоже перестал вертеть головой, нахмурился, собрался. Даже дышать стал реже. Впрочем, надолго его не хватило.

– Как вы это делаете? – обиженно спросил блогер. – Я вообще ничего не чувствую. И никому ничего приказать не могу.

– Мы ж асы, – пожала плечами Труд.

Будто это что-то объясняло! Впрочем, они же умеют общаться на расстоянии без всяких там пипок. Видно, что-то у них в мозгах встроено.

– Как же так? – возмутился Антуан, обращаясь к плуту. – Ты ж говорил, что этот мост открыт для всех.

– Разумеется, открыт для всех, – улыбнулся тот. – Но это не значит, что пользоваться всеми функциями сможет кто угодно.

– И тут лицензионное соглашение, – невнятно пробормотал Антуан Пустопорожний и продолжил осматриваться.

– И что, – спросил Бронислав Матвеевич, – эта система всегда так медленно транспортирует?

– Нет, конечно, – ответил Локи. – Сейчас у нас экскурсионная поездка. Вам же интересно поглядеть на Асгард изнутри?

Тесть кивнул, но не смог удержаться от дальнейших распросов:

– Но, если будет необходимость, какую скорость мы сможем развить?

– Необходимую, – коротко ответил плут и добавил: – Проверять не советую.

Полный счастья вопль раздался за нашими спинами. Я быстро развернулся и еле успел увернуться от копыта моего ушастого скакуна. Радостно болтая в воздухе всеми семью, включая хвост и уши, конечностями, Ницше парил в трубе, вращаясь при этом наподобие вентилятора. А котёнок, всё ещё сидевший у него на спине, изображал сосредоточенного управлением пилота.

– Это как? – удивился Аркадий Петрович.

– Очень просто, – ослик легкомысленно отмахнулся хвостом. – Мы с Че вежливо попросили.

Антуан Пустопорожный обиженно засопел.

– Что это за шовинизм и сегрегация? – возопил он в сторону Локи. – Почему я, учёный человек со степенями, не могу управлять вашим Радужным мостом, а какому-то ослу это позволено?

Плут ничего не ответил, лишь улыбнулся в своей манере. А Бронислав Матвеевич подошёл к замедлившему вращению Ницше и что-то заговорщицки прошептал ему на ухо.

– Папа! – предупреждающе воскликнула Василиса, но было уже поздно.

С диким криком осёл рванул с места, обдав нас волной горячего, пахнувшего сеном и навозом, воздуха. Впереди слышались крики. Сквозь прозрачные стенки мы, выпучив глаза, наблюдали, как этот странный болид сносит путешественников по Радужному мосту асов, развив скорость пушечного ядра.

Продолжалось сие безобразие лишь пару минут, после чего мой ослик с выражением абсолютного счастья на морде приземлился рядом со мной. Че тут же перепрыгнул на меня и затаился под рубахой.

– Ну что, скорость устраивает? – криво ухмыльнувшись, спросил Локи у Бронислава Матвеевича.

Тесть смиренно кивнул.

3

А потом мы долго, но не нудно, плыли вверх. Не нудно благодаря стараниям Локи, который, надо отдать ему должное, подробно и в красках описывал помещения на этажах, персонажей с ними связанных, и рассказывал истории, с этими личностями происходившие. Особенно мне запомнилось сказание о некоем могучем скандинавском богатыре Уле Эйнарсе Бьёрндалене, который, даже пребывая в старческом ма-

разме, на своих лыжах обгонял всех пешеходов. И не только пешеходов. Когда я спросил про способ его передвижения в летнее время, плут усмехнулся и многозначительно подвигал бровями, а потом то ли в шутку, то ли всерьёз промолвил:

– А кто тебе сказал, что он их вообще когда-нибудь снимал?

– Стесняюсь спросить, – подал голос Аркадий Петрович. – Его что, прямо в лыжах похоронили?

– Почему похоронили? – вполне естественно удивился Локи. – Герои не умирают.

И никто даже не попытался уточнить, что он имел в виду. Лично я подумал о Хель и её мальчиках. Те, конечно, умирали, но ненадолго. Правда, лыжников среди них я не заметил.

Антуан продолжал снимать на свою многострадальную пипку всё, что в кадр попадало, Аркадий Петрович, судя по блуждающему взгляду, явно сочинял очередной шедевр, а Василиса с отцом о чём-то тихо переговаривались, не забывая при этом посматривать по сторонам. Ницше перестал парить и вращаться. Похоже, он вообще задремал, стоя рядом со мной и чуть помахивая хвостом.

Откуда-то извне послышался странный звук. Смесь бульканья закипающего самовара, тархтения старенького мотора и стрекотания одуревших летних кузнечиков. Я попытался обнаружить источник звука и увидел метрах в трёх под нами, но вне Радужного моста, знакомую фигурку с огненно-рыжей шевелюрой. Определённо, это был дверг, но по-

чему-то без бороды, в отличие от всех его сородичей, что я видел ранее. На спине маленького толстенького человечка висел ранец со странным устройством, оснащённым пропеллером, который, судя по всему, и издавал привлекший моё внимание звук.

Я тронул Локи за плечо:

– Это не родственник Двалина там сейчас пролетает?

Плут бросил короткий взгляд на летучего коротышку и скривился.

– Дверги все считают друг друга родственниками. Но Карлсон умудрился поссориться даже с Двалином.

– Да они там постоянно друг на друга орут, – усмехнулся я. – Что не мешает им продолжать общаться и работать вместе.

– А вот Карлсон поссорился так, что Двалин пообещал его прибить при следующей встрече. Впрочем, они вряд ли когда-нибудь встретятся. Дверги ведь предпочитают жить поближе к земле, а то и внутри неё. А наш скандалист устроился на крыше. Выше самого Одина.

– И владыка не против? – хмыкнул Аркадий Петрович.

– Дедуля никогда и не стремился к потолку, – хихикнула Труд. – Там дует и вороны больно клюются.

– Ну и амбиции у парня, – Антуан покачал головой и направил пипку на опознанный летающий объект. – Такое стремление стоит того, чтобы запечатлеть в блоге.

Заметив, что его снимают, летающий dwarf нахмурил свои

кустистые рыжие брови и направился к нам. Блогер обеспокоенно поглядел на него и на всякий случай спросил у плута:

– Нам стоит его опасаться? Что-то вид у него какой-то психически нездоровый.

– Пока мы на мосту, нам ничего не грозит, – пожал плечами Локи. – Но позже я бы на твоём месте проявлял осторожность. Он злопамятный.

Тем временем Карлсон подлетел к прозрачной трубе, завис напротив нас и, уперев руки в бока, что-то с грозным видом заорал.

– Что он говорит? – поинтересовался Ароз Азорин.

Не успел Локи ответить, как мой ослик вскинул голову, наострил уши и, прищёлкнув зубами, ответил рыжему карлику на его же языке. Тот рассмеялся и указал на Антуана Пустопорожного. Ницше ответил, вызвав новый взрыв хохота. Они болтали ещё пару минут, после чего дверг выдал одобрительный, как мне показалось, жест и полетел прочь.

– Что ты ему про меня сказал? – потребовал объяснений Антуан.

– Непереводаемая игра слов, – ответил ослик и повернулся к блогеру кормой.

– Дизлайк поставлю! – обиженно проговорил тот, но большего от моего непарнокопытного спутника добиться не смог. Тогда он принялся приставать с тем же вопросом к Локи, но плут только руками развёл:

– Мне не знаком этот примитивный диалект. На нём сей-

час даже сами дверги не разговаривают. А асы даже и изучать не стали бы. Так, Труд?

Девчонка согласно лопнула пузырь.

– А откуда его знаешь ты? – наклонившись к уху ослика, тихо спросил я.

– Да кто ж меня знает? – ответил тот. – Я, вон, и по-асы могу, оказывается. Так почему бы и на двергском не поболтать, раз есть с кем.

– И о чём вы говорили?

– Да так. О погоде. О неурожае гороха. О ценах на борщевую корзину.

– Чего? – не понял я. – Впервые слышу, чтобы борщ варили в корзине. Она ж дырявая, сколько прутья не подгоняй. Да и причём тут борщ?

– Я тоже удивился. Но, как воспитанный осёл, виду не подал.

Я почесал макушку. То ли мой скакун чего-то недоговаривал, то ли и в самом деле у него состоялся столь странный разговор. Может, дело в тонкостях перевода? Впрочем, не имеет значения. Чужие разговоры вообще слушать неприлично, даже если очень хочется.

– А каким образом формируются пути Радужного моста? – всё никак не успокаивался Бронислав Матвеевич. – Насколько я сейчас вижу, они нигде не пересекаются.

– Всё правильно, – кивнул Локи. – Я указываю конечную точку маршрута и свои пожелания, а система строит путь так,

чтобы ни в кого не врезаться.

– Но ведь Ницше только что посшибал с десяток пассажиров других линий.

– Я заметил, – хмыкнул плут. – Вообще-то такого не должно было произойти. Чувствую, у Хеймдаля к кому-то будут вопросы.

4

– Ах, вот оно что! – громоподобным голосом возопила мощная тётка в синем рабочем халате поверх поблескивающих из-под него доспехов. Была она, на первый взгляд, ничуть не ниже Тора, а в груди, пожалуй, и пошире. В основном, вперёд. – Вот кто трубу баламутит! А я-то здесь сижу, гадаю!

Её рука взметнулась вверх и вперёд, отчего рыжие кудряшки разметались вокруг головы огненным смерчем. На секунду мне показалось, что она хочет схватить Локи за ухо.

Плут, похоже, тоже так подумал, поскольку он резво отскочил за мою спину.

– Хеймдаль, я тут ни при чём! – проговорил он, используя меня в качестве живого щита. – Это всё вон тот осёл, – он указал на Ницше, с любопытством поглядывающего на суровую даму.

– Нашёл, на кого свалить! – хэкнула, точно рубила дрова, страж Радужного моста. – Ты б ещё на котёнка какого-нибудь указал, шkodник мелкий!

– Мяу? – из ворота моей рубахи появилась фиолетовая

мордочка, и большие уши, почувствовав свободу, тут же расправились локаторами.

Хеймдаль оторопело уставилась на Че. Потом покосилась на Локи.

– Твоя работа, пакостник? Хочешь сбить меня с толку?

– Это ж баба! – услышал я за спиной удивлённый голос. Удивление в нём было столь велико, что исказило его до неузнаваемости. Я так и не понял, кому принадлежала эта опрометчивая реплика.

Страж моста нахмурила рыжие брови, зелёные глазища сверкнули, выискивая болтуна. Положение вовремя спас Аркадий Петрович.

– Что ж вы не сказали, что за Радужным мостом присматривает столь прелестная дама? – чуть повисил голос поэт, выступая вперёд.

Хеймдаль нахмурилась ещё больше, подозревая подвох. Но Ароз Азорин уже почувствовал вдохновение. Легонько коснувшись ручки-руки-ручищи суровой дамы, он продекламировал:

В глазах стража Радужного моста блеснула предательская слеза.

– «Открученной прелестными руками», – еле сдерживая всхлип, шёпотом процитировала могучая дама. – Сколько лет работаю тут вахтёршей, и ни разу ни одна сволочь слова доброго не сказала. А тут – стихи! – Порывистым движением Хеймдаль сгребла поэта в объятия и до скрипа немоло-

дых костей прижала к себе. Не допуская посинения объекта своего внезапного обожания, страж тут же отстранила его и протянула свою мощную длань: – Зинаида.

Аркадий Петрович, надо отдать ему должное, лишь пару секунд приходил в себя. Прищёлкнув каблуками и слегка поклонившись, он поцеловал дамскую лапу. Весьма осмотрительно с его стороны, потому как рукопожатие в данном случае грозило серьёзной травмой.

– Ароз Азорин, – представился поэт своим литературным псевдонимом. Потом подхватил расплывшуюся в блаженной улыбке стража моста под локоток и, увлекая от трубы, несколько смущённо спросил: – А Вы, Зинаида, давно ли здесь... хм... в роли Хеймдаля?

– Что значит, в роли? – несколько наигранно надула губки вахтёрша. – Я и есть Хеймдаль. Зинаида Сигурдовна Хеймдаль.

– Очень приятно, – кивнул поэт. – Вы, стало быть, Зинаида Сигурдовна, потомственный страж Радужного моста?

– Да, Ароз, – вздохнула дама. – Мы не вправе выбирать свою судьбу.

Локи кашлянул, привлекая к себе внимание.

– Хеймдаль, мы к Одину, – сказал он, кивнув куда-то влево. – Потом сможешь пообщаться с Аркадием Петровичем с глазу на глаз.

– Зачем мне какой-то Аркадий Петрович, когда у меня есть Ароз Азорин? – брови Зинаиды Сигурдовны приняли

форму двускатной крыши.

– Это мой литературный псевдоним, – подал голос поэт.

– И зачем он Вам такой обыденный? – удивилась вахтёрша. – Имя гораздо романтичнее звучит – Ароз Азорин! – произнесла она с придыханием.

5

Локи привёл нас к огромным воротам, сделанным, на первый взгляд, из дуба. Впрочем, в этих Верхних мирах никогда не знаешь, из чего чего сделали. Могли и на этом... три дэ принтере напечатать, как Василиса свой торт.

Зинаида Сигурдовна Хеймдаль с нами не пошла. Осталась с ней и Труд. Судя по всему, у девчонки с могучей вахтёршей вполне себе добрые отношения, в отличие от нашего сопровождающего.

Сначала я гадал, кто нам будет эти ворота открывать. Всё-таки, здоровая штука. Но всё оказалось просто и для меня нынешнего скучно. Когда мы были в десятке шагов, они сами распахнулись нам навстречу. Плавно, дабы никого особо шумного случайно не зашибить.

За воротами оказался огромный, но абсолютно пустой зал. Боковые его стены, как и потолок, терялись в сумрачном свете. А вот противоположная от входа стена оказалась рядом, в каких-нибудь двадцати шагах. В ней притулилась скромная дверь обычных человеческих размеров, сделанная, что примечательно, всё из того же дуба.

– Величественно, но странно, – промолвил Ароз Азорин,

обведя взглядом помещение и останавливая взгляд на двери.

– И зачем эта пещера перед кабинетом? – скептически повёл рукой Бронислав Матвеевич. – Тут вполне можно склад устроить.

– И секретарши не хватает, – вставил Антуан Пустопорожный.

Локи на эти замечания никак не отреагировал. Просто подошёл к двери и открыл. Отошёл в сторону и жестом пригласил нас заходить.

Мы почему-то застыли на своих местах. Плут нас не тропил, лишь ехидная улыбочка чуть тронула его губы.

– Ну, кто первый? – облизнув губы, спросил Аркадий Петрович. – Не тушуйтесь. Это же такая честь, первым войти к владыке Асгарда!

– Дамы вперёд? – предложил Антуан.

Василиса помотала головой и спряталась за моим плечом.

– Первым должен идти самый умный, – пискнула она, подразумевая, кажется, блогера. Но ответил её отец:

– Я рад, дочка, что ты в меня веришь. Но я бы предпочёл, чтобы первым был кто-то более красноречивый. Я же сухарь и технарь, и ни разу не дипломат.

– Не, я бы пошёл, – замялся Аркадий Петрович под переброшенными на него взглядами общественности, – но я ведь уже пожилой человек. От волнения у меня может случиться всё что угодно. Да и не зря говорят в народе – молодым везде у нас дорога.

Разумеется, после этого все посмотрели на меня. Ну, я и пошёл. Но прежде, чем я успел перешагнуть через порог, мой непарнокопытный скакун взмахнул ушами и, прищёлкнув копытами, первым просто-таки влетел в покои владыки Асгарда с громким приветственным воплем.

– Здрaсте! Мы в гости! – успел выпалить он и тут же выскочил наружу, чуть не сбив уже собирающегося входить меня.

В косяк справа от двери что-то громко ударило. По стене пошла трещина, которая, впрочем, тут же затянулась с тихим шипением.

Разумеется, я сделал благоразумный шаг назад и чуть вбок, пропуская Ницше. Наступил на ногу Локи, чуть не упал. Дверь захлопнулась.

– Прости, я случайно, – извинился я перед плутом. Тот ответил злым взглядом, но промолчал.

Василиса тут же притянула меня своими цепкими ручками и поставила между собой и дверью.

– Что там было? – спросил я ослика, с опаской выглядывающего из-под её локтя.

– Палками кидается! – пожаловался он и прижал уши.

– Палками? – удивился Аркадий Петрович. – Он там что, в городки играет?

– Должно быть, это было копьё, – произнёс Антуан и вопросительно взглянул на Локи. – Гунгнир, если не ошибаюсь?

Плут скривился.

– Интересно, что бы сказал Двалин, если бы узнал, что его шедевром кидаются в ослов? – хмыкнул он и окинул нас нетерпеливым взглядом: – Ну, чего встали?

Только никто даже не сдвинулся с места. Если мы и до этого не могли решиться, то уж после неудачной попытки Ницше и подавно никто не горел желанием попасть под суровую божественную длань.

Локи возвёл очи к невидимому потолку, вздохнул и подошёл к двери. Легонько постучал по ней костяшками пальцев.

– Владыка, это я и наши гости с юга, – чуть повысив голос, сообщил он.

После небольшой паузы дверь сама открылась, и из скрывающегося за ней помещения донёсся тихий, но твёрдый голос:

– Войдите.

Локи вопросительно поглядел на нас, сразу понял, что добровольцев нет, и сам вошёл внутрь. Вроде бы, без опаски.

Я изобразил на лице беспечность и шагнул следом.

Помещение совсем не походило на тронный зал. Это было просто рабочий кабинет вроде того, что я видел в доме Антуана Пустопорожного. Такой же строгий и массивный стол, только места за ним побольше, чем у нашего блогера. Вместо шкафа-витрины на стенах головы неведомых чудовищ. Но, насколько я понял, не настоящие, а лишь голограммы. Впрочем, я ни капли не сомневался, что у них были реаль-

ные прототипы, которых в своё время в качестве охотничьих трофеев получил хозяин кабинета. Кресло-качалка у очень похожего на настоящий камина. А в кресле – он. Верховный владыка и отец скандинавских богов-асов. Один.

– Проходите, – не вставая, проговорил он.

Без тени улыбки наблюдал владыка Асгарда, как мои спутники опасливо входят в его покои и удивлённо осматриваются. Впрочем, глаза его, как и в тот раз, когда он появился перед нами на палубе «Варяга», скрывали крупные тёмные очки, так что судить о выражении лица Одина я не берусь.

Когда самым последним вошёл Ницше, ас чуть привстал, но тут же снова расслабился. Хмыкнул и произнёс, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Не ожидал. Подумал, из зверинца кто сбежал. А у нас такой зверинец, что надо держать руку на кольте, хотя лучше подошёл бы стингер.

Ослик спрятался за мной и постарался не отбрасывать тени.

– Кофе? – предложил Один, покачиваясь в кресле. – Локи, организуй, будь ласков.

Плут кивнул и отошёл куда-то к столу.

– Можете не представляться – я о вас уже всё знаю, – позволил себе лёгкую улыбку владыка и, чуть наклонив голову, добавил: – Почти. Благодарен за помощь моим мальчишкам. Они, конечно, асы, но слишком легкомысленные.

По комнате разлился аромат кофе. Отчего-то сразу стало

гораздо спокойнее.

Локи раздал всем по увесистой кружке, наполненной бежевого цвета напитком. Сначала Василисе, потом её отцу. Антуан при виде своей ёмкости поморщился и пробормотал что-то вроде «бурда», но отказаться не решился. Аркадий Петрович поглядел в свою кружку ещё более скептическим взглядом, а я не стал изображать из себя ценителя и сразу же сделал большой глоток, не забыв поблагодарить и Локи, и хозяина кабинета.

Ну, что могу сказать. Я не избалован всякими там кофиями. Пить мне доводилось лишь растворимый порошок, что изредка попадался на свалках. И наши отвары из всяких трав и цветов мне нравились больше. Но этот напиток я оценил в полной мере. Гортань обожгло, по пищеводу разлилось тепло, распространяясь по всему телу, а в голове словно хрустальные колокольчики зазвенели.

Василиса закашлялась, Антуан с шумом втянул воздух, а Аркадий Петрович явственно скрипнул зубами.

6

В общем, посидели приятно. Точнее, постояли. Один оказался почти что милым дедушкой и даже не пытался произвести на нас впечатления нервного громовержца, норовящего с высоты небес прижучить любого, кто не понравится.

В основном, разговор шёл о Москве и Петербурге, я же больше отмалчивался. Впрочем, через некоторое время Один повернул ко мне лицо и спросил, чуть наклонив голо-

ву:

– Ну, а ты, молодой человек, какого роду-племени?

Я смутился. После рассказов моих спутников о чудесах их родных городов наш медвежий угол никоим образом не мог произвести хоть какого-то положительного впечатления. Ницше увидел мои сомнения и, несмотря на опасения быть пригвождённым к стене копьём могучего старика, вступился за нашу общую родину:

– Мы с Ваней из Тридевятого царства, что находится в пределах московского ареала, – произнёс он, высовываясь из-за моей спины. – Наше государство хоть и маленькое, но процветающее. И морковка у нас гораздо вкуснее, чем всё, что я видел в Верхнем мире. А уж репа – не репа, а репища!

– Репа? – удивился Один.

– Ага, – ослик кивнул и продолжил: – У нас целое репо-строительное предприятие есть. Репы выращивают с хату. А недавно мы там нашли Липу. Вроде, девочка-девочкой, а на самом деле – вурдалапочка. Ваня её почему-то альфой называл.

– Альвом, – поправил владыка Асгарда. – Локи мне рассказывал.

– Да хоть Бэтманом назовите, – отмахнулся ушами мой скакун и сменил тему: – Про наши свалки я рассказывать не буду. Ваши летающие города сами туда всё сваливают, так что у вас, выходит, всякого хлама гораздо больше. Природа

у нас шикарная. Один Тараканий лес чего стоит. Мы с Ваней там Василису спасали. Но это длинная история, кофиём не отделаться.

– А чем же тебя прикажешь потчевать, чудо ушастое? – усмехнулся Один. – Мёдом альтернативной поэзии, что ли?

– Не, мёд я не люблю, – помотал головой Ницше. – От него ещё больше пить хочется.

При этих словах Локи, стоявший в уголке, коротко и глупо хихикнул, но тут же лицо его приняло не характерное для него серьёзное выражение.

– Богатыри у нас славные, – продолжал нахваливать ослик. – Вполне могут и с вами, асами, потягаться. В уборке картофеля так и вовсе обойдут любого супостата. Но самый славный, после Ивана, конечно, это его старший брат Степан. Чуть что, норовит кулаком в рыло дать. Ну, или в другую какую морду. Недавно, вот, быка своего, верного боевого товарища, Тишку (он и мне, кстати, друган закадычный), отправил в глубокий нокаут. А всё почему? – Ницше вопросительно поглядел на Одина, будто тот мог с ходу дать ответ.

– Почему? – поинтересовался владыка.

– Да меня спасал мой благородный рогатый друг! Подумал, что отравить хотят. Ну, и устроил небольшой погром. А если бы не Степан, то большой. Вообще, Тишка очень добрый, хоть и громадный. Недаром Липа сразу же прониклась к нему теплотой и уважением.

– В самом деле? – хмыкнул Один. – Обычно бывает на-

оборот. Это звери боятся и уважают альвов. – Он повернулся к Локи и спросил: – Дэт эр ноэ мед йента?

– Ви хар альдри сетт хенне игйен, – машинально ответил Ницше, но тут же осёкся: – Ой. Я опять по-асьи говорил? ¹

– Ну, да, говорил, – подтвердил Локи. – И, да. Мы о девочке больше ничего не знаем.

– Она как-то связана с Ахти, – вспомнил я. – Это хозяин Ладожского озера. Какая-то у них давняя ссора, что ли, приключилась...

– У девочки? Со стариком? Давняя ссора? – скептически хмыкнул Антуан Пустопорожний. – Я не спорю, Липа странноватое создание. Но что-то здесь не сходится.

– Альвы это альвы, – проворчал Один. – Ахти – просто вредный и несговорчивый старикашка. А мы – асы. На этом тему и завершим.

– Думаю, нашим гостям надо отдохнуть с дороги, – подал голос наш провожатый. – И наверняка им будет интересно подробнее осмотреть Асгард. Кое-кто уже горит желанием снять очередной ролик для своего блога.

Антуан отчаянно закивал. Потом вынул свою пипку и спросил заискивающе:

– Можно с владыкой сэлфи сделать?

В комнате воцарилась зловещая тишина. Мне даже показалось, что воздух наэлектризовался и стал слегка потрескивать.

¹ – Есть что по девочке? – Мы больше её не видели.

Из-за отворота моей рубахи показались фиолетовые уши. Че выпростал свою голову и уставился на Одина. Ответил ли ему владыка взглядом, оставалось загадкой, но стёкла его очков почему-то изменили оттенок на бордовый.

Я уже опасался, что в меня сейчас полетят молнии, но вдруг котёнок заурчал и снова юркнул в своё уютное логово. Один же покачал головой и тихим голосом произнёс:

– Не надо камер. Я не люблю сниматься, – потом он легко поднялся со своего кресла и указал на дверь: – Прошу теперь оставить меня. И вам надо отдохнуть, и у меня есть неотложные дела. Локи, покажи нашим гостям их покои.

7

Комнаты нам выделили небольшие, но приятные. С претензией на простоту, но без намёка на убожество. Мягкая, довольно широкая кровать. Тумба. Окно, показывающее всё, что только пожелаешь. Ну, почти. По крайней мере, я так и не смог ему объяснить, чтобы оно показало мне батюшкино царство.

Василису сначала хотели поселить со мной. Всё-таки у нас с ней, вроде как, ячейка общества. Но тесть, зараза, снова завёл свою вечную песню о том, что наши обычаи не в счёт, что у них свои законы. И вообще, его девочка совсем ещё девочка.

Мы с Василисой переглядывались, перемигивались, но в результате она последовала за отцом, как примерная дочь. Я же нисколько не обиделся. К девушке я, без сомне-

ния, испытывал тёплые чувства. Но ссориться с её батюшкой из-за того, что она не выпихивала меня ночью с кровати? Нет уж.

Впрочем, одному мне поспать тоже не довелось бы. Ницше наверняка захочет устроиться здесь же. Хорошо, если на простыню с невымытыми копытами не ползет. Ну, и Че, скорее всего, останется на какое-то время. А потом учешет на ночную охоту.

Но что-то рано я заговорил о сне. Сейчас прискачет какой-нибудь Антуан Пустопорожный и потащит по коридорам и закоулкам, снимая на свою пипку всё, что только в кадр попадает.

Никто, однако, не шёл, комнату я уже всю разглядел, мне стало скучно, поэтому я решил нанести, так сказать, превентивный удар, отправившись в гости.

Дверь открылась без скрипа, стоило лишь немного толкнуть её. Передо мной предстала забавная картина. Антуан и Аркадий Петрович стояли у окна с видом зевак на кулачных боях. Они размахивали руками, что-то выкрикивали и толкались. В общем, вели себя несколько неадекватно.

– Что за суета? – спросил я, подойдя поближе.

Мои старшие товарищи не отреагировали, зато я смог рассмотреть, что их так раззадорило. Моему взору открылась площадь перед дворцом владыки, та самая, на которой мы несколько часов назад совершили посадку.

Наш драккар стоял на прежнем месте, но вокруг него во-

царилось необычайное оживление. Какие-то мелкие, странного вида существа суетились вокруг. Все разные. Толстенькие и тощие, без хвостов и с оными, пушистые и почти голые.

Не было ясно, хотят ли существа попасть на борт, или же просто оторвать от корабля сувенир на память. Драконья голова поворачивалась то в одну, то в другую сторону, из ноздрей шёл дымок, но применять огнёмёт наш Хеймдаль пока не решался.

– Вон тому вдарь! – кричал Антуан, переходя на визг. – Слева подбирается! На крысу похож!

– Лучше вон того бегемота пристукни, – рекомендовал Ароз Азорин. – В него хотя бы попадёшь.

– Можно я уже подпалю кого-нибудь? – взмолился Хо-Хо. – А то у меня от этого мельтешения скоро голова закружится!

– Не вздумай! – хором отвергли предложение оба творческих работника. А Аркадий Петрович добавил: – Не хватало нам ещё международного скандала!

– Кто это? – спросил я, тыкнув пальцем в существо, странным образом одновременно похожее на свинью и крысу.

– Не знаю, – отмахнулся Антуан. – Локи куда-то убежал, а больше спросить не у кого.

Я почесал макушку. Был я знаком с одним человеком, который знал всё на свете. Правда, не всегда мог вовремя выдать информацию. Кроме того, он остался в подземельях Санкт-Петербургского ордена Ленина метрополитена имени

Владимира Ильича Ленина, если я правильно запомнил.

– Может, Ангелина знает, – предположил я. – Пойду до Василисы.

– А что, разве навигатор не у тебя? – отчего-то удивился Аркадий Петрович. – Я думал, Василиса его тебе насовсем отдала.

Я только руками развёл. Кто бы меня ещё спрашивал. Просто схватила своими милыми ручками и уволокла, а вернуть, как обычно, забыла.

– Не надо, – уже на пороге комнаты остановил меня Аркадий Петрович. – Эта мелочь непонятная исчезла так же внезапно, как и появилась.

– И с Варягом всё в полном порядке, – подтвердил Антуан. – Так что я предлагаю пойти прогуляться по Асгарду. Подписчики жаждут новостей.

Мы с поэтом переглянулись и понимающе кивнули. А потом втроём отправились гулять по дворцу.

– А куда делся наш ушастый конь? – спросил меня Антуан. – Обычно от него не отделаться, а тут как в воду канул.

Я припомнил, что, когда Локи расселял нас по апартаментам, Ницше ещё крутился вокруг. На каком этапе он исчез, я так и не понял.

Мы прошли по своему этажу до широкой мраморной лестницы, которую всё-таки оставили в качестве альтернативы Радужному мосту. Полюбовались на резные перила. Я попытался посчитать ступеньки. Два раза сбился и плюнул

на это дело, но не наружу, а про себя.

– Ну, куда? – повертев головой, спросил Аркадий Петрович. – Вверх или вниз? Или, может, всё-таки воспользуемся Радужным мостом?

– И как? – я с сомнением поглядел на него. – Мы, вроде, так и не научились управлять этой штукой.

– Этот вопрос я проработал, – неожиданно сообщил поэт. – Теперь главное определиться с направлением.

– А давайте махнём к Браги, – предложил Антуан.

– Зачем? – хором спросили мы с Аркадием Петровичем.

– Во-первых, он из знакомых нам асов самый доступный.

– В каком смысле? – не понял я.

– Он не самый известный. Не такой, как, например, Тор. Да и во время путешествия с ним всегда было проще общаться.

Лично я не видел особой разницы между нашими попутчиками-асами, но спорить не стал. Антуан же продолжил:

– Во-вторых, как работник культуры, Браги должен быть в курсе самых модных мест и тенденций в Асгарде. А это мне сейчас просто необходимо для блога.

– Ладно, убедил, – Аркадий Петрович подошёл к краю лестницы и приторным голосом позвал: – Зинаида Сигурдовна! Это Ароз Азорин!

Мы с Антуаном скептически переглянулись. Каково же было наше удивление, когда непонятно откуда вдруг раздался приглушённый бас Хеймдаль:

– Ароз! Как я рада тебя слышать! Что-то нужно?

– Я просто хотел снова услышать Ваш голос, – промурлыкал Аркадий Петрович. – Но раз уж ты спросила, организуй нам, пожалуйста, дорожку до апартаментов Браги.

– Для тебя, Ароз, что угодно, – последовал ответ, и перед нами материализовалась прозрачная труба Радужного моста.

Нам оставалось только головами покачать и взойти на мост вслед за поэтом.

8

Как оказалось, Браги обитал двумя этажами ниже Одина. Он сидел в своих пятикомнатных апартаментах и, забравшись с ногами в мохнатое кресло, повёрнутое к панорамному окну, брэнчал что-то на малюсенькой фиолетовой гитаре с четырьмя струнами.

– Привет, – ас радушно улыбнулся, словно только нас и ждал. – Аркадий Петрович, нужна профессиональная помощь. Я тут к завтрашнему пиру сагу сочиняю. На вашем языке, в честь гостей. Только вот немного подвис.

Пожилой поэт тоже расплылся в довольной улыбке.

– Чем могу помочь?

– Вот, послушайте, – бородач поставил пальцы на струны и пропел:

Мы с Антуаном переглянулись, а Ароз Азорин с умным и благосклонным видом покивал. Подбодрённый, бард выдал простенькое соло, умудрившись запутаться пальцами в трёх нотах и четырёх струнах, и продолжил:

– Вообще-то, ягнята не визжат, – скромно поправил я.

– Да я знаю, – вздохнул Браги. – Но поросята отчаянно не хотят уместаться. Вот я и подумал, может Аркадий Петрович что подскажет.

– Я полагаю, – подал голос Антуан Пустопорожный, – любой ягнёнок завизжит, если ему хорошенько на ногу наступить.

– У них копыта! – возмутился я невежеству небожителя.

– Можно и на копыто, – не стал возражать блогер.

– Ну-ну, – усмехнулся я. – Можешь на Ницше потренироваться.

– Может, совсем без баб и ягнят обойтись? – предложил Аркадий Петрович.

– В самом деле? – распахнул свои голубые глаза Браги, словно поэт открыл ему новый континент. – И что же вместо них?

– Ну, не знаю, – пожал плечами Ароз Азорин. – Музыка крыш, например.

Ас нахмурился, беззвучно пошевелил губами.

– Нет, – покачал он головой. – Звучит, конечно, неплохо, но это точно не про нас. Это про какого-нибудь скандалиста, вроде Карлсона.

Аркадий Петрович развёл руками:

– Ладно, я подумаю. Это вся песня?

– Вот ещё третий куплет, – Браги снова затеребил струны.

Он ещё немножко в конце потренировал, а потом сверкнул

на нас своими очами. Мы, не сговариваясь, заплодировали.

– Пока не идеально, – вздохнул Браги. – Есть над чем поработать. Ну, а вы просто так пришли, или по какому делу?

– Хотели просить тебя показать нам местные достопримечательности, – Антуан улыбнулся асу и добавил: – Надо заботиться о блоге.

– Нашёл, о чём переживать, – усмехнулся Браги, лёгким движением поднялся на ноги и кинул свой несерьёзный инструмент на стоявший в дальнем углу диван. – Ладно, пойдём. Поверьте, у нас есть, на что поглядеть.

9

Не такими уж психами оказались эти асы. Все развлечения, что показал нам наш бородатый экскурсовод, оказались вполне приличными. У нас на ярмарках порой и похлеще бывает.

Молодецкие забавы, коими, по идее, должны славиться асы, ограничивались соревнованиями не в реальном мире, а в так называемой виртуальности. С помощью такой штуки, помнится, Яга обучала меня рукопашному бою во времена нашего путешествия в Москву. Здесь же надевшие на головы горшки мужчины и женщины (а может и какие-нибудь псевдомохнатые уткорылы – я ж не знаю, как их отличать) не только били друг дружке всеми частями тела по всем частям тела, но и устраивали состязания по другим видам спорта, не выходя, впрочем, за пределы предоставленной капсулы. Отдельные ленивые личности участвовали в поединках,

сядя на мягких диванчиках и не двигая при этом конечно-стями. Должно быть, у них были-таки бицепсы на мозгах.

Самым забавным мне показалось то, что на участников этих несуществующих, по моему непросвещённому мнению, соревнований активно делали ставки. Браги при нас поставил на толстого мужика, участвующего в матче по теннису. Впрочем, на экране он выглядел вполне спортивно. С аккуратным хвостом длинных белых волос, отороченных красной лентой. В беленькой юбочке, коротенькой маечке и рельефными молочными железами.

На моё скептическое фырканье Браги пояснил, что здесь слишком ценят права человека, а потому дать кому-то в рыло нельзя. Для того, собственно, асы и спускаются на грешную землю. Ну, или у себя на пиру могут иногда подражаться, если уж совсем припечёт.

Ещё бард показал нам странный музей, в котором я всё-таки вернулся к своему мнению о психическом здоровье местных обитателей. Здесь были выставлены странные экспонаты – перекрученные стальные прутья, медная горка, своими очертаниями напомнившая мне продукты жизнедеятельности Тишки, и прочие вещи, именуемые по непонятным причинам произведениями искусства. Вышеназванные продукты жизнедеятельности, кстати, тут тоже были представлены. Не скажу точно, чьи именно. Окаменевшие, но всё ещё опознаваемые. На табличке рядом присутствовала надпись на местном языке. Браги перевёл её как «инсталляция

жизнь ради жизни».

– Жизнь из дерьма, или жизнь как дерьмо, – вполголоса промурлыкал Аркадий Петрович, а Антуан фыркнул и сказал:

– Да у нас в Москве тоже периодически такое выставляют. Говорят, когда-то оно было просто нарасхват. За миллионы с аукционов продавали.

– А у нас на улицах зачастую просто валяется, – я почесал макушку. – Вот вернусь, надо будет батюшке сказать. Может, продадим чего для пополнения казны.

– Послушай, Браги, – обратился к асу Антуан Пустопорожный. – А почему, всё-таки, Один не торопится устанавливать дипломатические отношения с нашими городами?

Бард залился раскатистым хохотом. Мы непонимающе глядели то на него, то друг на друга, а он всё никак не унимался.

– Ну, насмешил, – вытирая слёзы, проговорил он наконец. – Дипломатические отношения? Это что же, кто-то из асов, кого не жалко, должен торчать где-нибудь в Архангеле и периодически встречаться с местными шишками, пить это ваше отвратительное шампанское и носить фрак?

– Ну, фрак вовсе не обязателен, – смутился блогер. – Дипломатия нужна не для тусовок под шампусик, а для установления добрососедских отношений.

– Добрососедских? – в очередной раз хохотнул Браги. – Соседи могут быть добры друг к другу лишь в том случае, ко-

гда отношения их ограничиваются маханием ручкой с другой стороны бурной реки. А если у них, упаси Один, общий забор, то ссора, а то и война просто неизбежны. Сейчас нам с вами делить нечего. Кому надо, о нас знает, остальным ни к чему.

– Знают? – искренне удивился Антуан.

– Вообще-то, на острове, где я встретил асов, была делегация из Петербурга, – напомнил я. – Так что питерская элита точно в курсе.

– И катается на игрища за народные деньги, – зло процедил Аркадий Петрович, вспомнив, видимо, что у него свои счёты с властью, пусть и прошлой.

– Да не, – отмахнулся ас. – Нету у народа никаких денег.

Потом я остановился у витрины с разнообразной аппетитно выглядывшей выпечкой. Вспомнил торт Василисы и рассказ о пищевых 3Д-принтерах.

– Даже не смотри, – Браги хлопнул меня по плечу и увлёк за собой. – Это не пища настоящих мужчин. Мы, асы, знаем толк в еде. Жрать нужно только то, в чём текла кровь.

– Кстати, не пора ли нам перекусить? – потёр руки Антуан.

– Сейчас покажу вам достойное заведение, – тут же с готовностью кивнул наш провожатый. – Там подают лучшие стейки.

– А разве не все в Асгарде асы? – удивился я, заметив выходящую из кондитерской лавки пару седовласых мужчин в лоснящихся пиджаках.

– Конечно, нет! – рявкнул бард. – Но мы, как я вам уже говорил, ценим каждую личность, – он проводил посетителей кондитерской презрительным взглядом и тихо процедил: – Хоть и хочется иногда кое-кого в землю вбить по уши.

– А кто же тогда все остальные? – уточнил я.

– Да тут кого только нет, – уже вполне дружелюбно ответил Браги. – Ваны, гоблины, шведы, тролли, датчане, не к ночи будут помянуты, беженцы, европейцы, афроевропейцы, турсы, норны, даже люди иногда встречаются.

– А кто были те мелкие существа на площади? – вспомнил я.

А Аркадий Петрович уточнил:

– Они на наш драккар с чего-то наскакивать стали. Не знаю, чего хотели. Попрыгали вокруг и исчезли так же внезапно, как и появились.

– А, это как раз тролли, – протянул ас.

– Но разве тролли не должны быть огромными и каменными? – я нахмурился, вспоминая всё, что знал об этих существах.

– Это другие тролли. И у них здесь сильный профсоюз.

– Чего? – хором удивились мы с Антуаном.

– Они думают, что следят здесь за порядком, – пояснил Браги. – Видимо, ваш драккар приземлился в неподобающем с их точки зрения месте. Потом они, конечно, догадались связаться с асами и разузнали, что вы гости самого владыки, а потому и отвалили.

Тут мы подошли к тёмному помещению, стилизованному под деревянную избу. На вывеске, висящей на ржавых скрипучих цепях, красовалась голова хряка, а под ней скрестились в дуэльном экстазе нож и двузубая вилка.

На входе стоял грозного вида чернокожий человек с узорной татуировкой на щеке. К моему удивлению, он категорически отказался нас пускать. Браги ругался с ним на своём непонятном языке, но страж оказался нестигаем, оперируя лишь одним доводом, в котором мне послышалось сходство со словом «куры». Судя по всему, решил я, что в данный трактир не завезли кур, которыми почему-то хотел угостить нас бард. Ну и напрасно, потому как я бы согласился и на свинину.

Вдруг из тёмной глубины заведения донёсся знакомый голос. Несколько слов, и недовольный страж отступил в сторону, пропуская нас внутрь.

А потом мы попали в тёплые дружеские объятия Тора, Тюра и пятёрки валькирий. Нас тут же принялись потчевать пивом и мясом. Тюр сказал, что сам только что задавил этого вепря голыми руками. Точнее, одной. Стальной.

10

Я вернулся в свою комнату лишь через четыре часа, пребывая в состоянии весёлом и пьяном. Чуть пританцовывая в попытках сохранить равновесие, я открыл дверь. Тут же зажёгся мягкий свет, заливая всю комнату.

– Допился, – пробормотал я, увидев развалившегося

на моей кровати маленького белого бегемота, вроде тех, что я видел в познавательной книжке «моя первая энциклопедия». – Ну, здравствуй, белочка. Какая-то ты упитанная.

Существо тут же встало, забралось на подушку (видимо, чтобы казаться повыше) и упёрло передние лапы в толстые бока.

– Ну, и кто же это тут у нас припёрся?! – воскликнул бегемот писклявым голоском и тоном, предполагавшим мою доказанную вину в неведомом преступлении. – Что это за тип, который ведёт себя, будто какой-нибудь герцог?!

Герцог? Это, кажется, брат короля, если мне не изменяет память? Так меня ещё не называли. Хотя, меня только Василиса и называла. Принцем. А вообще-то...

– Вообще-то, я царевич, – смущённо поправил я и протянул к существу раскрытую ладонь правой руки. – Иван царевич.

На упитанной морде бегемота отразилась целая гамма чувств. Прошли не менее десяти секунд, прежде чем он протянул навстречу свою лапку и несильно шлёпнул по моей ладони.

– Троль, – представился он и, увидев недоверие на моём лице, добавил: – Муми-троль.

– А, болел, – понимающе кивнул я.

Видимо, моё предположение оскорбило гостя.

– Ничего я не болел, неуч! – пропищало существо. – Просто муми это муми, а не просто какие-то глупые булжники.

Мы умнее не только наших камнеголовых родственничков, но и вас, голых обезьян! Мы с древних времён храним дома больших и бестолковых существ. Тупые асы без нас уже давно бы утонули в грязи, да ещё и поломали всё вокруг.

– Погоди, – нахмурился я. – Вы – что-то вроде наших домовых?

– Домовые?! – фыркнул Муми-тролль, вложив в это слово столько презрения, сколько ну никак не могло уместиться в его маленьком, хоть и упитанном, тельце. – Что могут эти бирюки? Ну, один-то дом, может, домовый и потянет. Но чтобы следить за порядком в Асгарде, нужен профсоюз! Ещё сотни лет назад классик так и сказал: «Друзья, прекрасен наш профсоюз!».

– Не читал, – пожал плечами я и, зевнув, присел рядом с ним. – Я как-то больше по научпопу. Стихи, правда, тоже люблю.

– Какую-такую попу? – бегемот озадаченно посмотрел на меня, шевеля при этом кончиками ушей. – Ты что, на Радужном мосту перекатался?

Я почесал макушку, пытаюсь уяснить смысл происходящего. Не преуспев, я предпочёл перейти от тупой обороны к не слишком острой атаке:

– А ты вообще с какой целью пришёл? Разве я тебя приглашал? Ты что, хочешь, чтобы я в этот ваш профсоюз вступил, что ли? А смысл? Я тут всё равно ненадолго. Вот отпируемся завтра, а потом – фьюить! – и улечу. Мне мамку

искать надо. Она у меня знаешь кто? О-о-о! Ведьма-путешественница! – я со значением воздел указательный палец к потолку.

– Да нужен ты нам, как Тору пушка! – пискнул бегемотик. Он вдруг прыгнул ко мне на колени и сцапал своими странными толстыми лапами ворот моей рубашки. – Убирай своё корыто с площади! – проверещал он, брызнув на меня слюной. – Оно портит внешний вид города! А ещё вы раздавили им прогулочную коляску Мюмлы!

Не успел я собраться с мыслями, чтобы хоть что-то возразить, как из ворота моей рубахи показалась фиолетовая голова. Котёнок глянул на Муми-тролля, облизнулся, глаза его полыхнули зелёным, а потом он пулей выскочил из своего убежища.

Каким-то чудом мелкий бегемот увернулся от его когтей. Вереща так, что у меня волосы дыбом встали, Муми-тролля промчался под кроватью и прыгнул прямо в стену. Секунду спустя в то же место дарился и Че, но, в отличие от бегемота, не прошёл сквозь неё, а сполз на пол. Поднялся, потряс головой. Глянул на меня, как мне показалось, с готовностью вцепиться в горло, если я ляпну что-нибудь, усомнившись в его охотничьих навыках.

– Взяли моду сквозь стены ходить, – проворчал я, поправляя ворот рубахи. – А ты меня, кстати, спас. От этих странных существ можно чего угодно ожидать. А вдруг у него слюна ядовитая? Так что с меня рыба. Хотя, ты уже вепрятины

нажрался, – я вспомнил наши посиделки с асами и валькириями, только сейчас поняв, куда исчезали куски мяса, которые я подносил ко рту. Вздыхнул. – И чего на эту бегемотину накатило? Ведь нормально общались. Теперь с этим профсоюзом, поди, проблемы будут... И чего он до меня домогался? Я ведь даже не хозяин драккара.

Под аккомпанемент этих печальных мыслей я уронил голову на подушку и почти моментально уснул.

11

Проснулся от того, что кто-то больно лягнул меня копытом под рёбра.

– Ницше, охамел, что ли?! – возмутился я, не открывая глаз. – Ладно бы своими новостями дурацкими разбудил, или песней какой. Зачем драться-то?

– Это не я! – донеслось откуда-то, где должно было быть окно.

– Это я! – ответил ему смутно знакомый голос, обладатель которого находился в районе моего живота. Последовал новый удар.

– Да прекрати уже лягаться, кем бы ты ни был! – я перекатился влево и отпихнул неизвестного агрессора ногами.

На пол шлёпнулось нечто мягкое, точно тряпичная игрушка. Завозилось, забормотало чуть слышно:

– Не, я так не играю. Стоило только напроситься в гости, как внезапно оказавшийся дома хозяин отвесил пинка. Вместо того, чтобы вареньем угостить.

Заинтересовавшись личностью незваного гостя, я-таки соизволил открыть глаза. В комнате горел ненавязчивый тёплый утренний свет. Я сел на кровати и уставился на упитанного рыжего коротышку, недовольно потирающего поясницу.

– Карлсон? – предположил я, вспомнив вчерашнего скандалистого летуна.

– Привет, малыш! – дверг улыбнулся, сверкнув золотыми зубами.

Причём, сказал он это по-русски и безо всякого акцента. Его собратья из подземелий метрополитена, правда, тоже только на нашем языке и изъяснялись. По крайней мере, при мне. Но этот персонаж вчера болтал на наречии, непонятном для всех, кроме Ницше. А ещё он, в отличие от остальных двергов, без бороды. И называет меня малышом. Что, согласитесь, вполне может напрячь нормального мужика.

– Почему малыш? – поёжился я.

– Это он теперь так здоровается, – сообщил Ницше, спрыгнул с подоконника и подошёл к кровати. – Я его так поприветствовал при нашей новой встрече – он же и вправду маленький – и вот результат. Ему, похоже, понравилось.

– Да, малыш! – Карлсон перевёл взгляд на ослика и выставил вперёд пухлый кулачок с оттопыренным вверх большим пальцем.

– Ну, привет, малыш, – ухмыльнулся я. Интересно, с чего это мой ушастый скакун его так назвал? Двергов, помнится,

ослик подобным образом не величал. Иначе, думаю, они бы ему уши повывёргивали. – Слушай, а вчера ты, вроде, по-русски не разговаривал.

– А оно мне вчера было не нужно. Но потом я встретил настоящего друга, – с этими словами дверг погладил ослика по шее.

– Судя по всему, ты умеешь выбирать друзей, – хмыкнул я.

– Да, – кивнул Карлсон. – Вообще, с друзьями в этом мире большая проблема. Дверги неотёсанные и шуток не понимают. Асы напыщенные и высокомерные. Единственная их положительная черта – это то, что они положили на то, кто и где у них живёт.

– А тролли? – вспомнил я другого своего гостя.

– И до тебя домотались? – вопросом на вопрос ответил дверг. Я глупо улыбнулся и развёл руками. – Эти – самые вредные из местных. Лезут везде, особенно туда, где написано «посторонним вход воспрещён», – Карлсон сплюнул себе под ноги.

– Видимо, не считают себя посторонними, – предположил я.

– Тролли?! – подскочил Ницше. – Здесь есть тролли?

– Да, – отмахнулся дверг. – Вредная мелочь.

– Мелочь? Тролли? Вы надо мной издеваетесь?!

– Да я тоже сначала не поверил, – успокоил я ослика. –

Но этот похожий на маленького бегемота Муми мне сам ска-

зал, что он тролль.

– Ого, к тебе сам Муми заходил, – Карлсон покачал головой и, подпрыгнув, присел рядом со мной. – Это серьёзно.

– А разве Муми – это не все они? Я-то подумал, что это порода такая, Муми-тролли.

– Можно и так сказать. Порода. И чего он от тебя хотел?

– Да мы, видите ли, драккар не там припарковали. Да ещё, вроде как, раздавили чего-то. Главное, я даже не хозяин драккара!

– Ну, то, что он припёрся именно к тебе, понятно, – кивнул дверг. – Ты же из пришельцев единственный знатного рода. Мне Ницше рассказал, что ты царевич. А царевич – это как принц датский.

– Почему датский? – удивился я.

Карлсон хохотнул и похлопал меня по колену.

– У нас же тут кругом социальное равенство и демократия.

– Один человек – один голос? – вспомнил я фразу, которая, как мне казалось, имела отношение к этому термину.

– Ударение не на тот слог, – поморщился дверг. – И Один – ас. Но в целом всё правильно, есть асы и все остальные. А принц только в Дании остался. Внизу.

– А как же король?

– Король умер.

– Король умер! Да здравствует король! – провозгласил Ницше.

– Вот этого не надо, – проворчал Карлсон. – Умер так умер. Нам тут только зомби не хватало.

– Так я не понял, почему этот Муми-тролль ко мне-то пришёл? – всё-таки уточнил я. – У вас же здесь эта самая демократия.

– И что? – усмехнулся дверг. – Люди, как и все остальные существа, всегда с большим вниманием относились к королевским династиям. И чем меньше существо, тем больше внимание. А эти тролли – ну, ты сам видел, какого они размера.

Я хмыкнул с сомнением. Вряд ли наше население когда-либо интересовали короли. Они и про батюшку-то вспоминали лишь в двух случаях – когда надо было платить налоги, и когда царь выкатывал пир на весь мир, оплаченный из тех же налогов.

– Короче, выбрось эту мелкую шушеру из головы, – Карлсон снова хлопнул меня по колену и соскочил с кровати. – Лучше скажи мне вот что. Ты можешь достать немного Мёда Альтернативной Поэзии?

– А зачем тебе?

– Есть одна очень интересная мысль. Но без него она так и останется мыслью.

– Звучит как авантюра, – покачал головой я. – Кого-то это мне напоминает... Вы с Локи, случайно, не приятели?

– Локи! – фыркнул Карлсон. – Локи – скользкий змей. Он ничего не делает просто так. Локи строит интриги, а я просто

шалю. Так что, поможешь?

– Ну, не знаю, – с сомнением протянул я. – Тор куда-то бо-
чонок утащил. Вряд ли до пира я смогу к нему подобраться.

– Худо, – поморщился дверг. – А я уж думал, что ты мне
друг.

– Вообще-то, я вижу тебя второй раз в жизни, – напомнил
я. – И ты только что лягал меня, пока я мирно спал в своей
постели.

– Вань, не будь занудой, – попросил Ницше. – Ты же был
со мной у Одина, так что должен понимать, что этому болоту
просто необходима встряска!

– Так, – напрягся я. – Рассказывай, что за каверзу вы за-
думали?

– Да никакой каверзы, – взмахнул рукой Карлсон. – Толь-
ко естественные химические реакции и биологические про-
цессы внутри организма.

– Подробнее, – я пристально посмотрел на дверга.

– Понимаешь, – он снова запрыгнул на кровать и принялся
возбуждённо, но очень туманно объяснять, – асы – они
не совсем люди. Точнее, отчасти люди, но почти боги. И как
на богов действует то, что забавно действует на людей, никто
не знает. Но им точно не повредит то, что не повредит и лю-
дям. А вот на троллей вовсе не действует то, что действует
на людей. И у меня есть надежда на то, что на них подейству-
ет то, что действует на асов.

Я помотал головой.

– Ничего не понял.

– Да чего тут непонятного?! – воскликнул Карлсон. – Вот скажи, как на людей действует пиво?

– Становится веселее, – начал перечислять я, – язык развязывается. А ещё потом приходится чуть ли не через каждые пять минут в кусты бегать.

– Ну, кустов у нас тут нет. Поэтому лёгкая атлетика отменяется. А вот развязать языки – это миссия, достойная внимания.

Я нахмурил лоб, пытаюсь уяснить сказанное.

– То есть ты хочешь развязать язык кому-то из асов? – выдвинул гипотезу я.

– Не асов.

– Троллей?

– Муми-троллей, – Карлсон заговорщицки подмигнул.

– А зачем?

– Пусть это останется моей маленькой тайной, – потупился дверг.

– Опять тайны, – вздохнул я. – Не, я так не согласен. Ты либо рассказываешь мне всё, либо ищешь этот мёд самостоятельно.

– Покажи ему, – сказал Ницше, притопнув копытом.

Карлсон покивал.

– Хорошо. Но не здесь, – он спрыгнул с кровати и похлопал меня по колену: – Собирайся, малыш. Нам предстоит небольшое путешествие на крышу.

А вот того, что произошло дальше, я не ожидал. Карлсон вытащил из-под кровати рюкзак со своим странным летательным аппаратом и пристроил за спиной. Потом подошёл к окну и, вспрыгнув на подоконник, распахнул.

– Как?! – изумился я.

По моим представлениям, окно из моей комнаты никак не могло выходить на улицу, а было всего лишь движущейся картинкой, вроде телевизора. Но порыв свежего бодрящего ветра выдул прочь все сомнения.

– Пустяки. Дело житейское, – взмахнул рукой дверг и протянул эту руку в мою сторону: – Ну что, полетели?

– Как? – снова спросил я.

– Схвачу тебя за руки, и от винта, – как само собой разумеющееся, пояснил Карлсон. – Не думаешь же ты, что я посажу тебя себе на плечи?

Я оторопел.

– Э-э-э, нет, конечно. Но...

– Да не парься, не уроню. Мы, дверги, сильные. Если что сцапаем, хрен отпустим. Я, между прочим, твоего осла таскал, – он кивнул на Ницше.

– Я его тоже таскал, – хмыкнул я.

– А я тебя чаще! – воскликнул ослик. – Слышь, Карльсончик, нашему царевичу неуместно летать подмышкой у дверга. Может, у тебя есть ещё один ранец? – Мне показалось, или он при этом подмигнул?

– Как знал! – зубасто улыбнулся Карлсон и, спрыгнув на пол, достал из-под кровати ещё один летательный аппарат, аналогичный первому. И когда это он успел тут склад организовать? – Ну, надевай. Тут всё просто. Даже осёл справится.

– Я справился! – оповестил Ницше.

Что?! Мой непарнокопытный скакун летал по воздуху при помощи этой штуки?! Я решительно вдел свои плечи в лямки ранца. Тяжёлый, зараза! Вроде, маленький, как его хозяин, но вспрыгнуть на подоконник с ним за спиной я точно не смогу.

– Давай, рассказывай, как этой штукой управлять, – прокричал я, забираясь на взлётную площадку.

Видимо, Ницше решил мне помочь, потому как последовал дробный перестук копыт и в следующий момент я почувствовал удар чуть пониже спины, от которого не только запрыгнул на подоконник, но и вылетел наружу, дико вопя.

– Ну, чего ты орёшь?! – раздался над ухом недовольный голос Карлсона. – Кругом люди спят, а он орёт!

Дверг пнул меня в правую часть груди, прямо в лямку ранца. Резко дёрнуло, взболтав мозги. Падение прекратилось. Я почувствовал вибрацию летательного аппарата.

– Спасибо, – сглотнув слюну, поблагодарил я.

Теперь я висел в воздухе у стены дворца. Солнце только-только начинало выглядывать из-за облаков, а земли внизу вообще видно не было. Видимо, мы находились с обрат-

ной стороны здания, стоявшего на краю Асгарда. Так что падать бы мне пришлось вплоть до самой земли, в родной нижний мир.

– Два плеча вперёд – и летишь, – начал объяснять дверг принципы управления своим странным агрегатом. – Чтобы повернуть, выдвигаешь только одно.

Я последовал его советам, и вскоре потихоньку стал двигаться.

– Не безнадёжен, – усмехнулся Карлсон и похлопал меня по плечу.

– А как Ницше смог управлять этой штукой? – спросил я. – У него же нет плеч.

– Да парень просто прирождённый летун! Очень талантливо использовал уши и хвост. Так, теперь меняй положение тела, и полетели вверх.

Я принялся болтать ногами, двигать плечами и тазом, и спустя пару минут принял исходное положение для вертикального полёта.

– Созрел? – зевнул дверг. – Тогда валяй за мной.

Несмотря на то, что теперь мне было необходимо преодолеть силу тяжести, двигаться получалось быстрее, чем по началу. Уже спустя двадцать секунд я лицо к морде столкнулся с Ницше.

– Ну, как впечатления? – радостно спросил ослик.

– Пока не очень, – честно признался я.

– Я в тебя верю, – подбодрил мой скакун и прыгнул с под-

оконника на кровать.

Видимо, Карлсону надоело ждать, поскольку я почувствовал, как меня хватают за воротник и тянут. Скорость резко возросла. Я попытался попросить, чтобы меня волокли поаккуратнее, но от ледяного ветра, попавшего в рот, я задохнулся.

Потом движение вдруг прекратилось, и я осознал себя сидящим на черепичной крыше. Ну, или этот материал только показался мне черепицей. Было довольно тихо, хоть и не понятно почему. Ветер лишь слегка ворошил мою всклокоченную шевелюру.

– Это из-за труб, – прочитал мои мысли дверг.

– Из-за труб? – я удивлённо огляделся. Крыша и в самом деле была утыкана разного вида и размеров трубами. Здесь что, до сих пор печки углём топят? Хотя, нет. Тогда бы дым чёрный был. А я подобного не наблюдаю. Так, лёгкое дрожание горячего воздуха.

– Оклемался? – с ехидной улыбочкой спросил мой спутник. Я вяло кивнул. – Тогда следуй за мной. Тут недалеко.

Он потопал между труб, и мне пришлось вставать и догонять. Впрочем, идти далеко не пришлось. За очередной трубой, а если точнее, в очередной трубе оказалась небольшая металлическая дверка. Вроде печной заслонки.

– Добро пожаловать, дорогой Карлсон! – проговорил дверг, проходя внутрь, и, обернувшись, добавил: – Ну, и ты заходи.

Мне пришлось согнуться в три погибели, чтобы попасть внутрь. Но сразу же за порогом я смог распрямится и оглядеться.

13

Жилище Карлсона представляло собой некое подобие мастерской. Разве что у стены стояла маленькая небольшая кровать со свёрнутым гнездом меховым одеялом. Всё же остальное пространство было завалено разнообразными механизмами, проводами и просто железяками разной формы и размеров.

– Ну, что ты мне хотел показать? – спросил я, не горя желанием долго здесь задерживаться.

– Фу, какой ты скучный, – протянул дверг, сердито выпятив нижнюю губу. – Сначала надо повосхищаться, поохать и похвать, похвалить хозяина и его жилище. Иначе тебя больше никто в гости не позовёт. Ладно, двигай сюда.

Я подошёл к столу, на котором стояло нечто, отдалённо напоминающее микроскоп, с помощью которого Кулиб чинил платы особо сложного оборудования. Только вместо предметного стола была довольно толстая труба, похожая на старую консервную банку. Карлсон указал на перископ, куда должно было, по идее, выводиться изображение.

Я осторожно заглянул в прибор. Сначала ничего не увидел, о чём и сообщил хозяину дома. И тут же последовал увесистый подзатыльник, от которого в глазах поплыли разноцветные круги.

– А теперь? – поинтересовался дверг.

Я хотел было обернуться и обругать его, но тут зрение прояснилось, и передо мной возник человеческий силуэт. Сначала призрачный, постепенно он стал обретать цвет и плотность. А потом я его узнал.

– Аркадий Петрович? Он что, в своей комнате спит? А как я его вижу?

Карлсон расплылся в довольной улыбке.

– Помните, вы вчера в таверне ели омаров?

– Кого? – удивился я. – Мы, вроде, только хряком закусывали, которого Тюр завалил.

– Это сначала, – кивнул дверг. – А потом принесли сырную тарелку, бекон и омаров.

– Что-то я такого не припомню, – нахмурился я. – Может, девушки, то есть, валькирии, развлекались. А ты откуда знаешь? Сидел где-то неподалёку? Или этим, офис циантом подрабатываешь?

– Вот ещё! Есть методы интереснее! – я заинтересованно поглядел на Карлсона. Он, выдержав театральную паузу, продолжил: – Я поместил в щупальца особые маркеры, которые могу без проблем отслеживать с помощью моего поисковика, – он похлопал рукой по прибору. – Я увижу носителя в любом месте и в любое время.

– Так ты что, отравил пищу?! – ужаснулся я. – Маркерами? погоди. Маркеры – это, вроде бы, карандаши такие цветные. Их ещё фломастерами называют.

– Маркеры – это такие специальные вещества. И они совершенно безвредны для человеческого организма. Просто с их помощью можно отследить любого, в кого они попадают. Как говорится, на вкус и цвет маркеры разные. Жаль только, что при таком способе время действия ограничено процессом пищеварения. Вот раньше было совсем не так! Вколют в вену или мышцу, и минимум полгода маркер по организму гуляет! А потом ревакцинация! – он мечтательно улыбнулся.

– Слушай, а зачем это вообще нужно? – спросил я. – Почему надо за кем-то подглядывать? Это, в конце концов, неприлично! Зачем ты придумал такой прибор?

– Да это не я, – отмахнулся дверг. – Это Двалин-чудила.

– А ты его украл, – кивнул я.

– А чего он за мной подсматривал? – возмутился Карлсон.

Я почесал макушку.

– То есть, тебе можно, а другим нельзя? С чего бы?

Дверг сложил руки на груди и обиженно выпятил нижнюю губу.

– Потому что все вокруг строят коварные планы. А я просто шалю.

– Ну, ладно, шалун, – я отзеркалил его позу. – Зачем тебе я и Мёд Альтернативной Поэзии? Только объясни как можно проще.

Уверенным движением руки Карлсон смахнул со стола все железки, кроме украденного прибора. Потом подпрыгнул и приземлился на освобождённую площадку.

– Муми, – произнёс он. – Эти проныры утащили мой Скид

– Это ещё что за фрукт? – уточнил я.

– Скид. Или Скидбладнир. Если совсем для тупых, это складной кораблик.

Мои брови поползли вверх от удивления. Мой незабвенный навигатор, конечно, тоже складывался от состояния ковра до носового платка. Но целый корабль? Впрочем, Карлсон на мою мимику никак не отреагировал.

– Мы с братаном Двалином таких только две штуки сделали. Точнее, он сделал один, а я скопировал. А Двалин, чудила, обиделся. Обвинил меня в этом... в плагиате. Как будто я украл что-то... Ну, скажи, разве можно что-то украсть у брата? У нас же всё общее! И ещё, знаешь, от какого слова произошёл этот «плагиат»? – я отрицательно помотал головой. – Плаге, чума. Вот тебя брат когда-нибудь чумой называл? – обиженно спросил дверг.

– Чумой никогда, – заверил я. – Но заразой и мелким засранцем – регулярно.

Карлсон хохотнул и легонько ткнул меня в живот.

– В общем, на своём Скиде я свалил от Двалина на вольные хлеба. Думал, тут, у асов, свободы больше.

– Разве нет?

– Только для самих асов, – дверг оскалился, слегка напугав меня своей улыбкой. – А на всех остальных они плевать хотели.

– Но разве не это называется свободой? Когда на тебя

плюют, но тебе на это плевать, поскольку ты и сам на всех плюёшь, находясь на крыше, – я тоже приподнял уголки губ. – Так что там про муми? А то меня уже скоро искать начнут, а я ещё ничего не понял.

– Ну а что тут понимать? Прилетел я сюда. Как вы вот, оставил свой кораблик на площади...

– Ты же говорил, что он складной.

– Конечно, складной.

– Тогда почему ты его не сложил и не взял с собой?

– Потому что это был не мой корабль, – надулся дверг.

В ответ на мой недоумённый взгляд он пояснил: – Откровенно говоря, моя копия была... э-э-э... с несколько ограниченным функционалом. Поэтому я взял оригинал.

– Ага, – отсмеявшись, произнёс я. – Но это не объясняет, почему ты не смог его сложить и унести в кармане.

– Я с ним поссорился, – лицо Карлсона приобрело какой-то свекольный оттенок.

– С кем?

– Со Скидбладниром.

Я кивнул. Разумеется, детище Двалина обладало таким же интеллектом, как и наш Варяг, и таким же склочным характером, как его создатель.

– То есть он отказался складываться, но, когда ты вернулся, оказалось, что его уже нет, – предположил я. – И ты решил, что его сложили и унесли муми.

– Они. Больше не кому.

– А ты не пробовал просто спросить?

– Пробовал. Еле смылся, – дверг цыкнул зубом и с силой запустил в стену какую-то попавшуюся под руку шестерёнку.

– Ну, допустим, это они утащили твой Скид. Но объясни, зачем тебе Мёд Альтернативной Поэзии?

– Понимаешь, эта мелочь обожает мёд. Но обычный для отслеживания не годится. Я же не могу напичкать маркерами все кувшины во всём Асгарде. А вот Мёд Альтернативной Поэзии – это нечто особое. Там даже маркеры не нужны. Надо просто подсунуть муми небольшое количество Мёда. И тогда я смогу отследить, куда они спрятали Скидбладнир.

– Но ведь вместо муми ты можешь увидеть асов, – возразил я. – Это же они будут на пиру пить Мёд. И в больших количествах.

– Не, – отмахнулся Карлсон. – Асов отследить нельзя. Они вроде депутатов, неприкосновенны. По крайней мере, пока лося какого не грохнут.

– Какого ещё лося? – удивился я. – Тюр вон кабана вчера завалил.

– Лоси – это другое.

14

Вдруг в дверь постучали. Да так настойчиво, что на внутренней её стороне образовался небольшой бугорок. Мы с Карлсоном переглянулись.

– Кто там? – робко спросил дверг.

– Кто, кто! – прокаркали снаружи. – Ас в пальто!

Карлсон пожал плечами и открыл. В комнату влетел самый крупный ворон, которого мне доводилось видеть в жизни. Был он по грудь двергу, а размахом крыльев вполне мог бы померить длину рогов Тишки.

– Не хвора́й, рыжий, – поприветствовал он хозяина, а потом и я почувствовал на себе его странный взгляд. – Иван, я за тобой. Тебя ждут.

– С кем имею честь? – спросил я.

– Это Хугин, вещий ворон Одина, – пояснил Карлсон.

– Я – Мунин, – возразила птица. – Мой ленивый братец сегодня выходной.

– Сам ты ленивый, братец! – донеслось с улицы. – Мы же с тобой на клюв-кирпич разыграли, кому идти!

– А ты помалкивай, жулик! Ты вообще кирпич не по правилам кидал!

– И вот так всегда, – шепнул мне на ухо Карлсон. – Вечно ссорятся и забывают, зачем их посылали. – Он хохотнул: – Прямо как мы с Двалином!

И в самом деле, первый ворон, уперев крылья в бока, вышел на крышу, и теперь они вдвоём ходили кругами, каркая друг на дружку.

– Господа вороны! – позвал я. – Не подскажите, где и когда меня ждёт Один?

– Не мешай, мальчик! – каркнул, кажется, Хугин. – Тут взрослые разговаривают!

– Один не фраер, он всё видит! – то ли возразил, то ли

подтвердил Мунин.

На несколько секунд я застыл, озадаченный поведением и словами посланцев владыки Асгарда. Потом что-то в моём мозгу щёлкнуло и я, злорадно улыбнувшись, шагнул к пернатым дебоширам.

– Иван, ты уверен? – попытался остановить меня Карлсон, явно прочитав мои мысли.

– Пошалим, – я подмигнул двергу и одним движением схватил обоих воронов за когтистые лапы. – А ну-ка, вестники Одина, несите меня к своему повелителю!

Признаться, я вспомнил, как летал на чайках, будучи в мире неправильного Кощея, который называл себя Сигмой. Эти же два пернатых раздолбая показались мне ребятами крепкими, способными своими клювами раздолбить какой угодно орех, так что они должны были справиться с задачей даже лучше.

– Кар-раул! – гаркнул один из воронов, и оба посланца одновременно рванулись, только не прочь из моих рук, в разные стороны, а друг к другу, чего я, признаться, никак не ожидал. Что-то громко щёлкнуло, ноги мои потеряли опору, а перед глазами закружились разноцветные точки.

– А ты быстро, – услышал я немного удивлённый голос Одина.

Помотав головой, я разогнал разноцветных мух и осмотрелся. Оказывается, я сидел на полу в какой-то комнате, вроде той, где поселили меня. Однако Один привычно качался

в своём кресле с обычной кружкой кофе в руке.

– Как я здесь очутился?! – спросил я, поднимаясь на ноги. – Мы же только что были на крыше!

– Законтачило, – не очень понятно объяснил владыка.

– А где эти, клювастые?

– Летают где-то. На то они и птицы.

Я кивнул и отряхнулся, хоть и не сомневался, что здесь чисто.

– Зачем звал, владыка?

– Присаживайся, – кивнул Один на непонятно откуда появившуюся тяжёлую деревянную табуретку. – Где твой маленький друг альв?

– Че, что ли? – я пожал плечами – Не имею ни малейшего понятия. Может на муми-троллей охотиться, а может просто спать.

Владыка снова кивнул. Шумно отхлебнул кофе.

– Я так понимаю, муми бегут от него, как мыши от кота? Я и сам при виде этого существа испытываю некоторую робость, – Один хмыкнул, и я почувствовал на себе его взгляд. – Ты можешь себе представить, чтобы твой отец, государь, чувствовал себя неуверенно в своих собственных владениях?

– Это намёк на то, что нам с котёнком пора отсюда смыться? – спросил я, нахмурившись.

– Ни в коем случае. Вы – мои гости.

– Всё равно, после пира мы планировали лететь дальше,

на запад. На поиски моей мамы.

Один снова кивнул.

– И куда направитесь?

– На Британщину. Она там должна была какую-то штуку добыть.

– И где же вы её искать собираетесь, ту штуку? Британские острова несколько больше, чем твоё тридевятое царство.

Я улыбнулся.

– Мне не впервой искать иголку в стоге сена. Кроме того, одна возможность – это ведь во много раз больше, чем ни одной.

– Интересно, во сколько?

Я задумался. Если умножать на ноль, то, вроде бы, ноль получается. А если разделить? Если разделить, то вообще намечается какое-то непотребство. Потому я пожал плечами и просто повторил:

– Во много.

– Ну, если ты настолько уверен в успехе, мне нечего добавить, – Один шумно отхлебнул и демонстративно отвернулся к окну.

Недосказанность просто-таки повисла в воздухе топором, а потому я поспешил уточнить:

– А что, есть какие-то дополнительные возможности?

– Внизу, в датском королевстве, есть одно место. Архив называется. Там можно узнать о любом артефакте древности, и где его искать.

– Спасибо за информацию. А где искать сам этот архив?

– Думаю, твои друзья о нём должны знать. А сейчас оставь меня и готовься к пиру.

С этими словами владыка Асгарда громко хлопнул в ладоши. Я так и не понял, как это у него получилось с огромной кружкой в руке.

В следующий миг я оказался на своей кровати. И тут же почувствовал, как же неудобно лежать спиной на летательном аппарате дверга.

– О, командир! – обрадовался Ницше. – Ну, как полетали?

Я молча кивнул, скинул ранец и затолкал под кровать. Поворошил волосы. Спросил ослика:

– Никто меня не искал? – Тот помотал головой. – А Че не объявлялся?

– Так вот же он.

Котёнок сидел на подушке и умывался.

15

Я постучал в дверь комнаты Аркадия Петровича и, не дожидаясь ответа, вошёл. Пожилой поэт приподнял голову с подушки и вяло помахал мне рукой.

– Хреново? – спросил я, присаживаясь на тумбочку у окна.

– Вовсе нет. Просто обычная хандра после ночного веселья. Отдача, не более. Ты позлорадствовать пришёл, или есть что сказать?

– Что тебе известно об архиве, который находится в Да-

нии? – спросил я без предисловия.

– Что ещё за архив? – Аркадий Петрович зевнул.

– Там должны упоминаться все артефакты, включая тот, за которым мама отправилась на Британщину. Кстати, что именно она могла искать в этом туманном Альбионе? Что за святыню немереную?

Поэт перевернулся на бок.

– Возможно, речь идёт о музее Андерсена, – неуверенно проговорил он. – Это он главный специалист по местному фольклору.

– Сказочник? – удивился я. – Зачем нам сказочник?

Аркадий Петрович усмехнулся.

– Мы живём в странное время. Если бы я собственными глазами не увидел русалок, dwarves и асов, ни за что бы не поверил. Даже счёл бы полным бредом.

– А, по-моему, всё как обычно. Лично я рос в мире, где в облаках летают чудо-города, а в них живут сверхлюди. Это потом я узнал, что они вполне обычные. Хоть и не совсем нормальные.

– Но мир не всегда был таким, – поэт потянулся и поднялся, скрипнув суставами. Сел на кровати. – Никто не знает, что случилось. Но после Последней войны стала происходить такая эпическая хрень, какую раньше и представить было невозможно.

Я пожал плечами.

– Мир меняется. Это нормально. Наверно.

– В любом случае, если ты ищешь сказочную вещь, я не вижу противоречия в том, чтобы обратиться за помощью к сказочнику, – Аркадий Петрович усмехнулся.

– О ком речь? – в комнату без стука и шума вошёл Антуан Пустопорожный.

– Да мне тут дали наводку на один архив, через который можно быстрее найти маму, – сообщил я. – И Аркадий Петрович предполагает, что он находится в музее Андерсона.

– В самом деле? – протоиерей подошёл какой-то очень осторожной походкой. – Никогда не бывал. Но не против посетить. Это где-то внизу? Где раньше был Копенгаген?

– Нет. По-моему, это не в Копенгагене, – поэт нахмурился и потёр лоб. – Кажется, это на каком-то острове. Но кто знает, что там сохранилось? Кто тебе вообще сказал про архив?

– Один.

– Ну, он, видимо, знает, – пожал плечами Аркадий Петрович. – Асы, вон, до Старого Питера летают, так почему бы им и в Данию не сгонять.

– Так почему бы и нам не сгонять? – я поглядел сначала на поэта, потом на блогера.

– Я не против, – тут же сказал Аркадий Петрович.

– А я, пожалуй, проведу опрос среди подписчиков, – Антуан достал из кармана пипку и присел на кровать рядом с поэтом.

Я поморщился. Не то чтобы я очень верил, что этот сказочный архив мог мне чем-то помочь. Но зависеть от мнения

запечных ценителей тоже не хотелось.

Вдруг волосы у меня на затылке зашевелились. Я отчётливо почувствовал, что кто-то смотрит мне в спину и быстро обернулся.

– Доброе утро, – поприветствовал нас Локи и шагнул в комнату. – О чём дискуссия?

– О сказочниках, – буркнул я.

– Вы про архив Андерсона? – проявил догадливость плут. – Часа через три будем над ним пролетать. Только ничего не увидим.

– Интересно, почему? – удивился Аркадий Петрович. – Там, поди, и нет ничего?

– Ну, что-то там определённо есть, – туманно ответил Локи.

– Да? – заинтересовался Антуан. – Можно поподробнее? Моим подписчикам очень интересно.

– Асы давно ищут архив, – плут выдал умиротворённую улыбку и развёл руками. – Но попасть туда до сих пор не смогли.

– А зачем они его ищут? – спросил протодиакон.

– Потому что информация – это страшное оружие.

Я пристально поглядел на Локи.

– А как насчёт тебя? Ты-то сам смог туда попасть?

Плут снова улыбнулся.

– Я работаю над этим.

– Давай работать вместе, – предложил я. – Мне как раз

нужна информация.

Локи почему-то подозрительно зыркнул на моих товарищей. А потом предложил поговорить в моей комнате. С глазу на глаз.

– Вообще-то там Ницше, – сообщил я. – Так что с глазу на глаз не получится.

– Ничего. Один осёл – это не тысячи подписчиков, – усмехнулся плут.

– Идите, идите, – в ответ на мой вопросительный взгляд отмахнулся Аркадий Петрович. Антуан же снова залип в своём приборе.

16

Локи, видимо, всё-таки не захотел делиться информацией с ослом и не отправился в мою комнату. Вместо этого перед нами материализовалась труба Радужного моста.

– Идею с архивом Один подкинул? – спросил он, когда мы плавно поплыли в неизвестном направлении. Я кивнул. Локи хмыкнул. – И это меня называют хитрецом!

– А что, есть какой-то подвох? – напрягся я.

– Подвох лишь в том, что те, кто ищет архив, не могут его найти.

– Может, его попросту нет? – предположил я.

– Он есть, – с уверенностью заявил Локи. – Но попасть туда могут не все.

– То есть кто-то всё-таки туда попал?

Плут кивнул.

– Попал. И это был не ас, а обычный человек. Точнее, он был таковым.

– И что с ним случилось? – нахмурился я. – Он хоть остался жив?

– Да, – улыбнулся Локи. – Да ты его видел. Альвис Мангулис. Помнишь такого?

– Дверг-латыш? – тут же вспомнил я. – А каким образом он в Данию попал?

– Говорит, пьяный был.

Я выпучил глаза. Под воздействием зелёного змия и с подачи белочки, конечно, разные чудеса случаются. Но от Старого Петербурга досюда, должно быть, несколько сотен километров. Причём, вовсе не по ровной дороге. Локи правильно истолковал моё изумление.

– Он какое-то время жил здесь, в Асгарде, – пояснил плут. – Ты же видел, здесь много разных личностей обитает. Только не спрашивай, как он сюда попал. Я вопросами миграции не занимаюсь.

– Ладно, не буду, – пообещал я. – Но как он попал сначала в архив, а потом в метрополитен?

– Он не помнит. Помнит лишь какое-то небольшое помещение, полное книг. Помнит, что с ним пытались разговаривать. Помнит, что вёл себя неприлично. Правда, не помнит, в чём это заключалось. Потом он понял, что трезвеет, осознал непотребство собственного поведения и пожелал провалиться сквозь землю. Очнулся у dwarves. И теперь он та-

кой. Очень много знающий. Иногда.

Я почесал макушку.

– То есть он не помнит ни места, ни каким образом добирался? Что-то мне подсказывает, что мои шансы попасть туда стремятся к нулю.

– У меня есть идея, – заявил Локи.

– Я весь внимание.

– Всё дело в мёде поэзии.

Я подавился смешком. Что-то слишком часто за последнее время я слышу про этот напиток. Плут приподнял бровь.

– Альтернативной? – уточнил я.

– Любой версии, – с совершенно серьёзным, не типичным для него, выражением лица ответил Локи. – Тот мёд поэзии, что поначалу сварил Галар, тоже штука сильная. Хоть и не без побочных. Каждый поэт бы за него душу продал.

– Что, с него сразу в рифму говорить начинаешь?

– Нет. Но поэзия так и прёт.

– Ну, не знаю, – я пожал плечами. – Аркадий Петрович и без мёда справляется. Но причём тут архив?

– Альвис перед тем, как туда попасть, случайно попробовал мёд поэзии, – чуть понизив голос, сообщил Локи. – Со всем немного. Но этого хватило.

– Что-то я не заметил за ним тяги к стихоплётству. Впрочем, Пушкин с ним, – я взмахнул рукой. – И что, выпив его, я каким-то образом тоже попаду в архив?

– Шансы велики, – кивнул плут.

Я скривился.

– А что, других подопытных после Альвиса так и не нашлось? – с сомнением спросил я.

– Не всё так просто, – широко улыбнулся Локи. – Во-первых, мёд поэзии готовит только Галар с братом Фьяларом. И они не спешат ставить его производство на поток. А во-вторых, эта штука по-разному работает на представителях разных рас и гендеров. А уж как она подействует на людей, вообще сложно предсказать.

– То есть, попытки всё-таки были? И, насколько я понимаю, неудачные.

– Неудачными их назвать нельзя. Но желаемого так и не достигли.

– Тогда с чего ты решил, что у меня получится?

Улыбка плута стала столь сладкой, что аж липкой.

– Я в тебя верю, – сказал он и подмигнул.

Ага. Только недавно я слышал то же самое от моего непарнокопытного скакуна. Видимо, моя физиономия стала лимоннокислой, так что Локи поспешил добавить:

– По моим расчётам, вероятность успеха более семидесяти процентов. К тому же, мёд альтернативной поэзии имеет ряд преимуществ над старыми вариантами.

– Это обнадеживает, – я скептически цыкнул зубом. – Так что, мне прямо сейчас начинать накачиваться, или до пира подождём?

– То есть, ты согласен, – констатировал Локи.

Я вздохнул.

– Ну, допустим. Я выпью этого дvergского пойла. И что дальше? Начну стихи читать? Или дебош устрою? Или, может, рухну тут же? И как это поможет мне попасть в тот самый пресловутый архив? Расскажи, каков дальнейший план действий?

Локи сложил руки на груди.

– Точно пока сказать не могу, – промолвил он. – Но я уверен, что у тебя всё получится. Поверь, я в таких делах не ошибаюсь. Так ты согласен?

– Ну, а чего я теряю? – я пожал плечами. – Получу я доступ к архиву или нет – тут уж как получится. А так хотя бы развлекусь. – Вдруг я вспомнил сегодняшнее утро и попросил: – А можно мне сейчас немного мёда альтернативной поэзии?

– Собственно, за ним мы и направляемся, – кивнул плут. – Всё равно во время пира гостям он вряд ли достанется. Асы не настолько расточительны. Кстати, далеко не все асы решатся его пить. Всё-таки штука создана для поэтов, а поэты – народ своеобразный.

– Но мне можно.

– Но тебе можно.

17

Я получил от Локи маленький сосудик. Ампула – не ампула, яйцо – не яйцо. Ёмкостью не более пятидесяти грамм, материал – что-то вроде глины, но прочнее. Разбить его, по сло-

вам плута, было весьма проблематично. А для употребления оказалось достаточно отколупнуть маленькую резиновую за- тычку. А содержимое высосать.

– Только не спеши, – предостерёг Локи. – Выпей непосредственно перед пиром.

Я пообещал так и поступить. План, по которому я должен был попасть в архив, казался не просто странным. Он отдавал бредом. Но я решил, что терять мне нечего, а потому предпочёл плыть по течению. Впрочем, как и всегда.

Едва я вошёл в свою комнату, как в мою сторону повернулись три головы.

– Ну, принёс? – Карлсон требовательно протянул свою пухлую ручонку.

– Что принёс? – спросил Ницше и аж подскочил от любопытства.

Лишь Че ничего не сказал. Потянулся, облизнулся, а потом с места прыгнул мне на плечо.

Я продемонстрировал ёмкость, но отдавать сразу не стал.

– Мне мёд тоже пригодится, – сообщил я. – правда, точно не знаю, сколько. Но тут его и так мало.

– Тоже решил попробовать? – дверг хохотнул. – Смотри, штука убойная!

– А ты-то откуда знаешь? Галар же сварил мёд альтернативной поэзии уже после того, как ты свалил из метрополитена.

– Ну и что? Зато я знаю предыдущие три версии. И одну

мне даже удалось попробовать.

– Уж не после этого ли ты угнал кораблик своего брата? – осенило меня.

Судя по всему, я попал в точку. Потому как Карлсон тут же надулся.

– Вообще-то, насколько я слышал, – проговорил он обиженным голосом, – Галар варил мёд альтернативной поэзии с таким расчётом, чтобы люди не могли его нормально пить. Никто не хочет, чтобы появлялись новые Альвисы.

Я почесал макушку. Интересно, почему он об этом знает, а Локи нет? Или плут решил об этом умолчать? Или Карлсон мне врёт в надежде выманить драгоценное снадобье?

– И откуда тебе об этом известно? – спросил я. – Ты же, вроде, давно уже не контактировал с двергами.

– Так Фьялар с Галаром давно уже над ним работают. Хрейдмар им указание дал, чтобы больше никаких Альвисов на нашу двергскую бороду не появлялось, – Карлсон почесал свой голый подбородок. – Так что братья должны были внести коррективы.

– И чем это может мне грозить? – забеспокоился я.

Дверг пожал плечами.

– Кто знает. Может, пронесёт. А может и нет. У наших химиков свои секреты, да и в чувстве юмора им не откажешь.

Я нахмурился.

– Ну, хорошо. Что ты предлагаешь?

– Можно добавить туда активированного угля. Он, гово-

рят, от всего помогает.

– Ты ещё предложи картошкой варёной подышать после того, как я его выпью, – огрызнулся я. – Ещё какие-то мысли будут?

– Просто выпей, а мы с Ницше поглядим, что там с тобой случится, – Карлсон страшенько улыбнулся. – Ну, или отдай мёд мне, как мы и договаривались.

Я надолго завис. Перспектива стать жертвой химического эксперимента не радовала, но и отказываться пусть и от сомнительной возможности попасть в архив как-то не хотелось.

– Ладно, – сжалился надо мной Карлсон. – Ничего с тобой не случится. Просто я рекомендовал бы тебе ограничиться несколькими каплями. А остальное я использую сам.

Я нахмурился, а потом решительно протянул ему ёмкость:
– Делим пополам!

Дверг радостно схватил долгожданное пойло. Затем порылся в кармане своего мешковатого одеяния и извлёк прозрачный шприц.

– Это зачем? – испугался было я. Мои представления об этом предмете были тесно связаны со страшными работориями. – Не надо меня колоть. Я через рот предпочитаю.

– Это не для тебя, – хохотнул дверг.

Он вонзил иглу прямо сквозь пробку и потянул на себя поршень. Прозрачный цилиндр стал заполняться янтарной жидкостью.

– А удобно, – оценил я и попросил: – Слушай, а можно я заберу шприц себе, а тебе отдам сам сосуд? Только давай без иглы.

– Зачем? – немного удивился Карлсон.

– Ну, из этой штуки ведь, скорее всего, высасывать придётся, – чуть смущённо объяснил я. – А я так употреблять напитки не привык. Лучше вылью из шприца в кружку, да выпью, когда захочу.

Дверг внимательно посмотрел на меня. Потом махнул рукой и отдал мне шприц, предварительно сняв иглу в колпачке. А ёмкость, которую дал мне Локи, запихал всё в тот же карман.

18

Тут в дверь постучали. Как мне показалось, весьма элегантно.

– Кто там? – спросил я, немного удивившись. При мне здесь только к Одину заходили не только после стука, но и после разрешения войти.

За дверью послышалась какая-то неуверенная возня. Карлсон бросил на меня обеспокоенный взгляд. Потомглянул на окно.

– Ладно, пойду, открою, – решил я.

За дверью оказалась Василиса. Была она в прелестном вечернем платье цвета летней ночи. Если что, это тёмно-синий, с искорками. Не помню, чтобы у неё было нечто подобное.

– Привет, – искренне улыбнулся я. – Заходи.

Супруга, однако, не торопилась пересекать порог моей комнаты.

– Я не одна, – тихо сказала девушка и пару раз стукнула носком туфли по стенке рядом с дверью: – Мюмла, выходи. Мы договаривались.

Ого! Неужели та самая Мюмла, чью вещь мы раздавили своим драккаром, и из-за которой на меня наехал Муми-тролль?

Я ожидал увидеть какое-нибудь странное существо, вроде белого бегемота. Но из стенки – прямо из стенки! – вышла маленькая девочка с двумя каштановыми косичками и в мятом зелёном платье. С Муми общим у них был лишь размер.

– Здравсте! – кивнула она и встала рядом с Василисой.

– Привет, – ответил я. – Заходите. Я вас с Карлсоном познакомлю.

Мюмла зашла неуверенно, чуть помявшись на пороге. Василиса чмокнула меня в щёку, окатив медовым ароматом, и тоже запорхнула в комнату.

– А где же твой Карлсон? – спросила она, окинув взглядом помещение.

– Он улетел, – сообщил Ницше, стоявший у окна. Потом добавил: – Но обещал вернуться.

– Милый шалун, – хихикнула Василиса.

– Никакой он не милый! – возмутилась Мюмла. – Мало того, что этот летающий бочонок нарушает все правила тех-

ники безопасности, когда снуёт тут и там в обход Радужного моста, так он ещё и на муми непрестанно нападает.

– Как нападает? – поинтересовался ослик. – Как орёл на цыплят?

– Кто б ему позволил! – фыркнула микродевушка. – Он просто распространяет всякие грязные слухи! Будто мы у него что-то там украли!

– А вы не крали? – не мог не спросить я.

Мюмла с разбегу запрыгнула на тумбочку, упёрла кулачки в бока и, яростно посмотрев в мою сторону, заявила:

– Конечно, нет! Это не в наших правилах!

– То есть вы не брали его корабль?

– А куда бы мы его дели? Мы же маленькие и знаем об этом! И у нас уютные домики, а не ангары для ваших здоревенных посуды!

– Но ведь он был складной, – напомнил я.

– Кто? – спросила Василиса. – Объясните мне, о чём вы тут говорите?

Я вкратце рассказал о претензиях Карлсона к местному профсоюзу троллей.

– Что, в самом деле, складной? – недоверчиво произнесла Мюмла. – Разве такие бывают? Ты меня не разыгрываешь?

Похоже, муми-тролли и в самом деле были не причастны к похищению корабля. Ещё бы название вспомнить... Любят эти скандинавы непроизносимые слова.

– Скидбладнир, – с трудом вспомнив имя судна, пояснил

я, – детище Двалина. Этот дверг – не просто талантливый изобретатель. Он придумывает такие вещи, о которых обычные конструкторы и не подумали бы. Он, например, соединил телепорт с рогаткой.

– Он что, идиот? – уточнила микродевочка.

– Нет, – улыбнулась Василиса. – Он – гений. Это я вам, как дочь гения заявляю.

– Ты – дочка дверга? – Мюмла выпучила свои глазищи, и без того огромные для её маленького личика. – Совсем не похожа!

Мы с супругой переглянулись и дружно рассмеялись.

– Нет, конечно, – ответила девушка. – Мой отец человек. И он сейчас в нашей комнате. Почему-то очень заинтересовался окном.

Я кивнул. У меня тоже были определённые мысли по поводу этих элементов интерьера.

– Так куда же всё-таки делся корабль? – спросил Ницше.

– Улетел, конечно! – пожал плечиками Мюмла.

– Без пассажиров? – усомнился я. Но потом вспомнил, как Карлсон упоминал, что поссорился с кораблём. Мог. И куда, интересно? Неужели вернулся к Двалину?

Василиса присела на краешек кровати.

– Мюмла, ты что-то хотела сказать Ивану.

Микродевочка почему-то надула губки. Шаркнула ножкой в большой зелёной туфельке.

– Я пришла извиниться, – сказала она, не отрывая взгляда

от тумбочки, на которой стояла. – Муми был не прав. Он беспокоится обо мне, но на тебя он накричал напрасно.

Я облегчённо вздохнул.

– Хорошо, – сказал я. – У меня и так проблем хватает. Не хватало ещё с вашим страшным профсоюзом цапаться.

– Но у нас к тебе есть просьба, – продолжила Мюмла. – Придержи своего страшного зверя. А то он ещё хуже Карлсона.

– Что за зверь? – удивилась Василиса.

Я растянул губы в улыбке.

– Че, конечно!

Услышав своё имя, котёнок тут же возник на плече су-пруги, повернул свои уши-локаторы и сверкнул глазищами на мелкую гостью. Та неловко шагнула назад и, оступившись, с придушенным писком шлёпнулась на задницу.

– Че, успокойся, – я снял котёнка с плеча девушки и взял на руки. – Мюмла наш гость. А мы гостей не пугаем и не едим.

Чебурик зевнул, а потом неуловимым движением освободился и залез мне под рубашку, где и исчез. Даже редкие волоски на моей груди не пошевелились.

– Вот, как-то так, – я улыбнулся микродевочке. – На самом деле, Че – не чудовище. Он всего лишь странный фиолетовый котёнок. Но в любом случае мы скоро покинем Асгард.

Мюмла поднялась,правила платье. С серьёзным видом

кивнула. А потом повернулась ко мне спиной и шагнула в стену.

– И как она это делает? – Василиса завистливо вздохнула. – Видимо, технология похожа на ту, что применяется в окнах. Они ведь могут быть и просто экранами, а могут работать наподобие порталов.

Так вот, оказывается, каким образом я смог выйти сквозь него на улицу! А ведь не чувствуется перехода, словно через обычное окно вылезает!

– Это Бронислав Матвеевич понял, какая тут технология? – спросил я.

Василиса кивнула.

– Теперь сидит в комнате и пытается разобраться в принципе действия.

19

Я подсел к Василисе. В конце концов, это же моя кровать. Ницше, обследовавший место исчезновения маленькой гостыи, развернулся в нашу сторону и показал свои зубы.

– Чего? – спросил я с вызовом.

Василиса прыснула в кулачок, а потом положила голову мне на плечо. Я приосанился. Сердце забило мощно и настойчиво, щёки, похоже, заалели. Вот вроде бы не должен я так смущаться. Но почему-то чувствую себя робким влюблённым юношей. Ёлки-иголки! А я ведь такой и есть!

– А что Вы делаете сегодня вечером? – почему-то спросил я, чувствуя всю нелепость вопроса.

Василиса отстранилась и поглядела на меня весёлым взглядом.

– Мы идём на пир, – сообщила она, едва сдерживая смех. – Надеюсь, вместе. Или у тебя какие-то другие планы?

– С этими асами никогда не знаешь, что дальше будет, – пожал плечами я. Потом счёл, что секретов от супруги быть не должно, и добавил: – Тут предложили музей Андерсона посетить. Внезапно. Думаю, одному пойти, или с женой.

Василиса захлопала ресницами, а потом вдруг взвизгнула и бросилась мне на шею. Обняла, произвела очередь поцелуев в щёку.

– Что это вы делаете? – услышали мы недовольный голос Бронислава Матвеевича, исходящий откуда-то со стороны окна. Он что, тоже решил полетать, как Карлсон?

Супруга вдруг оказалась в полуметре от меня с таким видом, будто сидела там с самого утра.

– Папа, смотрю, ты разобрался с окном, – мило проворковала она.

Тесть и в самом деле торчал на экране окна. Так что зря я приписал ему тягу к полётам.

– Да тут на самом деле всё просто, – отмахнулся Бронислав Матвеевич, мазнув по мне осуждающим взглядом. – Хотя я бы реализовал по-другому. Впрочем, кому я тут буду объяснять нюансы? – он снова посмотрел на меня, но на этот раз с досадой. В этом взгляде явно читалось сожаление по поводу того, что его зятем оказался не доктор наук. – Од-

ного не понял, как активировать телепорт?

– А чего его активировать? – пожал плечами я. – Открываешь окно и летишь себе, куда хочешь. Только ранец надо надеть. Иначе только вниз, – я показал рукой, как.

Словно в пику мне, брови тестя поползли вверх, а потом начали сдвигаться к переносице.

– Пап, а ты уже примерял костюм для пира?

Этим вопросом умница Василиса разрядила обстановку, и Бронислав Матвеевич растерянно перевёл свой взгляд на неё.

– Какой костюм? – спросил он.

– В шкафу висит, – пояснила супруга, а когда тесть завертел головой в поисках одного, добавила: – Просто скажи «гардероб», и в стене откроется ниша.

– Гардероб, – тут же повторил я.

Позади меня раздался лёгкий шорох. Я поспешно обернулся и обнаружил, что в стене по другую сторону от кровати и в самом деле открылся проём, в котором на нескольких плечиках висела одежда. В том числе мой водолазный костюм. И когда его только сюда принесли? Вроде, он на Варяге оставался.

Рядом с ним красовались ещё три костюма. Два чёрных и один белый.

– У тебя, смотрю, тот же набор, – хмыкнул в окне Бронислав Матвеевич. – Какой наденешь? Спрашиваю, чтобы разнообразить наш вид на пиру. А то припрёмся все в чёрном,

будем как вороны за столом сидеть.

– Лично я бы не хотел сидеть, как белая ворона, – усмехнулся я.

– Отлично, – удовлетворённо кивнул тесть. – Значит, я надену белый.

С этими словами он исчез. Я пожал плечами. Откровенно говоря, я вовсе не собирался надевать местный костюм. Мне и моя рубаха всегда казалась нарядной.

Василиса словно прочитала мои мысли.

– Ты ведь не пойдёшь на пир в этом? – она тронула ворот моей рубахи.

Из её недр тут же показалась ушастая голова.

– Мяс? – поинтересовался Че.

– Если хочешь, могу надеть свой водолазный костюм, – улыбнулся я девушке. – А ты, – я взял котёнка на руки, – лучше посиди здесь. А то некоторые местные жители странно к тебе относятся. Обещаю принести сочный кусочек какого-нибудь кабанчика.

Чебурик фыркнул и уцепился коготками за ткань рубахи. Мол, пейте там, чего хотите, а свой тёплый домик я вам не отдам.

– Может, всё-таки смокинг? – Василиса приподняла бровь.

– Какой ещё? – не понял сначала я. Потом понял и покосился на шкаф. – Да ну его. К чему нам пафос? К тому же, в водолажном костюме я смотрюсь очень мужествен-

но. Подчёркивает мускулатуру, с этими словами я стянул рубаху и бросил на кровати к вящему удовольствию котёнка, тут же в ней зарывшегося. Я скрестил руки и напряг грудные мышцы.

– Красивый, красивый, – засмеялась Василиса и, чмокнув меня в щёку, поднялась с кровати. – Переодевайся. Пойду, папе помогу. А то он без меня может не справиться.

Я расплылся в улыбке. Интересно, с чем этот великий учёный может не справиться? А девушка обернулась на пороге комнаты и произнесла:

– Лучше смокинг.

Я остался в одиночестве.

20

Я, разумеется, поступил по-своему. В конце концов, царевич я, или нет? Жаль, зеркала в комнате не оказалось. А то бы я точно потратил минут пять-десять на самолюбование.

– Ну, как? – на всякий случай спросил я ослика, когда облачился в подарок Ахти.

– Были бы пальцы, показал бы, – оскалился Ницше.

– Который? – я приподнял бровь и пристально поглядел на своего скакуна.

– А есть разница? – удивился ослик.

Я только усмехнулся. Не хватало ещё тратить силы на лекцию о жестах. И времени жалко, и Ницше она не пригодится.

Я уже собирался покинуть комнату, когда вспомнил про

шприц с зельем. Задумался, куда его запихать. Кое-как втиснул под рукав.

Ослик выскочил первым и замер на Радужном мосту, который мерцал сразу за порогом.

– Иван, дорогуша, – услышал я голос Зинаиды Сигурдовны Хеймдаль, – поторопись. Там уже все собрались. Ждут только тебя.

– Тогда полетели, – пожал я плечами и тоже занял место на мосту.

– И побыстрее! – вставил Ницше.

И мы понеслись. У меня даже кишки к спине прилипли. К счастью, уложились мы в два десятка секунд. Нас с осликом просто-таки внесло в тёмное помещение, в котором я узнал давешнюю таверну с головой хряка на вывеске.

– О! Иван! – оглушил меня радостный возглас Тора. Громовержец встал и-за длинного дубового стола и подошёл ко мне. – Проходи. Садись рядом со мной. А осла своего можешь рядом поставить. Валькирии для него целый мешок моркови притащили.

– Йа-йя! – то ли по-немецки, то ли попросту на ослином воскликнул Ницше.

Пока мы шли к месту посадки, я заметил тестя и супругу, устроившихся по одну сторону от сидевшего во главе стола Одина. Василиса была восхитительна, но я её сегодня уже видел в новом наряде. Бронислав Матвеевич, как и планировал, надел белый смокинг с красным галстуком бабоч-

кой. Ага, вот с этим предметом ни один гениальный учёный не справится. Я даже в собственных силах не был уверен.

Аркадий Петрович с Антуаном Пустопорожним расположились напротив. Что характерно, оба были в белых костюмах. Правда, поэт от галстука отказался совсем, а блогер намотал на шею какую-то фиолетовую тряпочку, что смотрелось, на мой взгляд, несколько нелепо. Короче, наша команда, кроме нас с Василисой, выглядела стаей белых ворон.

Супруга, правда, при виде моего наряда тут же закатила глаза. На что я ей ответил широкой улыбкой. Имею право одеваться во что захочу. Царевич я, или кто?

Тор похлопал меня по плечу, и я не заметил, как очутился на широкой лавке между громовержцем и его дочкой. Труд тут же плеснула мне в здоровенную кружку какого-то напитка. Один из асов провозгласил тост в честь дорогих гостей. Пришлось пить. Кажется, в кружке было пиво. Вроде, неплохое. Тёмное, бархатистое. Пролилось в желудок легко и приятно. На тарелке тут же оказалась крупная нога кого-то из пернатых, зажаренная до хрустящей корочки.

После четвёртой опорожнённой кружки Браги спел свою песню про то, что всё в наших руках. Баб и ягнят он оставил на прежнем месте. Судя по всему, народу понравилось. Даже Ницше радостно и одобрительно кричал за моей спиной, а потом с упоением захрустел морковкой.

Ещё через какое-то время валькирии дружно затребовали от Ароза Азорина какое-нибудь новое стихотворение. Арка-

дий Петрович выглядел несколько уставшим, если не сказать замученным. То ли сказала вчерашняя пирушка, немилосердно продолжившаяся сегодня, то ли ещё чего. Он немного поотпирался, но потом вздохнул и продекламировал:

Аркадий Петрович и в самом деле как-то сдал. Он ведь и правда пожилой человек. Ему, поди, уже тяжело вот так со всеми веселиться.

Валькирии зашутукались. Видимо, ожидали от своего кумира чего-нибудь более романтического. Поэт же снова вздохнул и продолжил:

Он тяжело опустился на скамью. Рядом с поэтом вдруг оказалась Хеймдаль. Мановением руки разогнала воительниц, озадаченных смятенным состоянием Аркадия Петровича. Страж Радужного моста приобняла Ароза Азорина и что-то сочувственно проговорила.

Один грохнул своей кружкой по столу. Тюр произнёс тост за вольный ветер странствий. Локи помахал мне издалека. Кажется, он что-то хотел сказать. Я попытался прочитать по губам. Мёд? Какой ещё мёд? И вспомнил про шприц.

Дабы разбавить впечатление от выступления Аркадия Петровича, Браги запел какую-то героическую песню. Правда, на своём языке, так что я ничего не понял. А вот Ницше не только понял, но и подпевал, и подстукивал копытами.

Я кое-как вытащил из рукава шприц и, не глядя, выдавил мёд в кружку. Лишь после этого осознал, что в ней ещё осталось около четвертинки пива.

– Любишь коктейли? – сквозь шум пира услышал я голос Труд. – Это не лучшее сочетание, поверь моему опыту! Погоди, сейчас я тебе замешаю, – с этими словами девчонка выхватила кружку из моих рук и плеснула туда сначала из кувшина, стоявшего неподалёку, а потом из бутылки тёмного стекла, которую попросила передать Скёгуль.

Я слегка ошалел, получив кружку обратно. Но пахло зелье неплохо, да и не могло быть среди ингредиентов ничего несъедобного.

Тут, то ли на счастье, то ли на зло, прозвучал новый тост. На этот раз от Тора. Так что мне пришлось осушить кружку.

– Иван, – обратился ко мне Один. – Скажи теперь ты. Или спой. – Увидев моё смущение, он добавил: – Парни говорили, что ты тоже умеешь петь, если тебе понравится общество. Так тебе что, не нравится наше общество? – тут я почувствовал на себе его тяжёлый взгляд сквозь тёмные очки.

Ну, и как тут было отказаться? Тем более что зелье, похоже, уже начинало действовать, несмотря на малое содержание в нём мёда поэзии. Удивляясь самому себе, я встал из-за стола и продекламировал:

Я заметил, как Василиса прячет улыбку в кулачке.

Асы и валькирии притихли. Один заинтересованно наклонил голову. Локи нахмурился и принялся тереть ухо. А меня понесло дальше:

Аркадий Петрович при упоминании своего псевдонима подавился пивом. Зинаида Сигурдовна покосилась на меня

с каким-то странным выражением и легонько похлопала по-эта по спине.

Ноги сами понесли меня вдоль стола и, продолжая декламировать, я стал потихоньку двигаться по часовой стрелке.

Я сам не заметил, как приблизился к Василисе и Брониславу Матвеевичу. И уж никак не ожидал от себя, что при последних словах положу руку на плечо тестя. Впрочем, отметил я этот факт лишь краешком сознания, а вот учёный ощутимо напрягся.

В воздухе запахло озоном. Один чуть привстал, а цвет стёкол его очков вдруг приобрёл почему-то фиолетовый оттенок. Чего это он? Я же ничего не придумывал. Он действительно с каким-то странным трепетом относится к моему чебурику.

Короче, я проигнорировал владыку и закончил свой экспромт:

Я подхватил Василису на руки и понёс к дверям. В установившейся гробовой тишине раздался голос Локи:

– Братец Тор, не пора ли нести мёд альтернативной поэзии? Мы все его уже заждались.

21

– Иван, ты с дуба рухнул? – возмутилась Василиса, когда я бережно опустил её на свою кровать. – Что ты вообще себе позволяешь? – она несильно ткнула меня кулачком в грудь.

– Жена да будет послушна мужу своему, ибо плоть от плоти его! – воскликнул я, подняв вверх указательный палец.

Супруга залилась звонким смехом, искренним и заразительным. Потом притянула меня и поцеловала прямо в губы.

– Значит, решил-таки заявить права на трофей? – прошептала она и игриво укусила за мочку уха. – И с чего это мы такие смелые стали?

– Кто-то сомневается в моей смелости? – удивился я. – Я ль тебя из лап Кощея не спасал?

– Спасал, спасал, – Василиса щёлкнула меня по носу. – Но вот от опеки папы спасти никак не решишься.

– Ну, он же уважаемый человек. Учёный, – я изобразил в воздухе загогулину, которая почему-то сейчас в моём сознании соответствовала этому слову. – И вообще, увидев некоторые его способности, я отношусь к Брониславу Матвеевичу с великим трепетом.

– Смотрю, куда-то весь трепет сегодня испарился! А с чего это ты вдруг обидел Аркадия Петровича? Бедный пожилой человек чуть не подавился!

– Обидел? – я выпучил глаза. – Я всего лишь сказал правду! Все его стихи я уже где-то читал. У Есенина, например. Хочешь, я почитаю тебе настоящего Есенина? – и, не дожидаясь ответа, я встал рядом с кроватью и продекламировал:

После того, как я закончил стихотворение, воцарилась тишина. В левом глазу девушки что-то блеснуло.

– Ты что, никогда не читала Есенина? – с удивлением понял я.

Она помотала головой.

– В обычной жизни стихи не нужны. Но, – Василиса всхлипнула, – это так прекрасно!

Странно. Им ведь достаточно залезть в свои пипки, и можно прочесть хоть Есенина, хоть Шекспира. Да у них там могут поместиться библиотеки всех окрестных царств! А эти странные люди Верхнего мира предпочитают смотреть всякие глупости, вроде звериных боёв или блога Антуана Пустопорожного. Впрочем, у Антуана хоть есть на кого посмотреть. На меня, например.

Василиса встала рядом со мной и обняла, прижавшись всем телом. Наши губы сомкнулись.

И тут дверь с грохотом распахнулась.

– Иван! Живо собирайся! – прокричал Ницше, заскочив внутрь.

– Пшёл вон, – лениво отмахнулся я.

– Ах, так?! – возмутился ослик. – Мало того, что ни слова обо мне не сказал в своей саге, так ещё и слушать не хочешь? Да и пропади ты пропадом! А ещё друг!

– В самом деле, Иван. Мы пришли тебя предупредить, – в дверном проёме появился Локи. – Один страшно на тебя разгневался. Браги попытался смягчить его сердце хвалебной одой, но надолго это не поможет.

– Из-за котят? – удивился я.

– Из-за твоего поведения! – плут ткнул в меня указательным пальцем. – Никто, слышишь, никто не смеет Одина упрекать в трусости! Даже я!

– Да не упрекал я его! – возмутился я, вырвавшись из объятий супруги. – И вообще, это не я был. Это всё мёд твой.

– Иван!!! – раздался громopodobный рёв, и на экране окна появилось разгневанное лицо Тора. – Кто разрешал тебе, смертному, пить мёд поэзии?!

Я с укором поглядел на Локи. Он меня не предупреждал о подобном запрете, когда давал сие пойло. Правда, упоминал о каких-то противопоказаниях. Но это же совсем не то. В самом деле, если на двери написано «заходить не рекомендуется», то это значит, что всё-таки можно, если хочется. А если написано «заходить запрещается» – значит, уже нельзя. Ну, или можно, но не всем. Правда, есть ещё такие формулировки, как «строго воспрещается» и «категорически запрещено», и понять, в чём тут различие, дано уже далеко не каждому смертному.

Тут ещё и пол затрясся, из чего я сделал вывод, что сейчас мною займутся всерьёз. И пора срочно смываться. Строго и категорически.

Недолго думая, я извлёк из-под кровати ранец Карлсона и взгромоздил себе за спину. Прижал на прощанье Василису, да так, что она пискнула, и поцеловал в уста. Отстранился, сделал героическую морду и затопал прочь.

– Извини, – сказал Тору и распахнул окно, разорвав его сердитую физиономию пополам.

Грациозно, как мне показалось, взобрался на подоконник, окинул присутствующих, пребывающих в недоумении, про-

щальным взглядом, и рыбкой нырнул наружу.

– Стой! – донёсся сзади нестройный хор голосов.

Но я уже камнем летел вниз, к земле.

Мне нравится, что вы больны не мной,
Но более, что я не болен вами,
И что многострадальный череп мой
Не хрустнет вдруг под вашими ногами.

Мне нравится, что можно быть смешным,
Допущенным в вас покидать словами,
Без риска распрощаться с головой,
Открученной прелестными руками.

Мне нравится еще, что вы при мне
Прибить готовы всех, кто не по нраву,
И прочите всем в адовом огне
Гореть за нарушение ваших правил.

Что вам стоять на Радужном мосту
Дороже, чем летать под облаками
Но некому сменить вас на посту.
Добра не так уж много с кулаками.

За то, что вы больны – увы! – не мной,
За то, что болен я – о`кей! – не вами!

В челюсть с ноги, молотом в лоб

Песни битв в бородатых устах
Мордой об стол
Иль столом по мордам
Всё в наших руках

Визг тормозов, баб и ягнят
Вклады в клады на свой риск и страх
Жизнь для бабла
Или жизнь за бабло
Всё в наших руках

Тутросло, там напряглось,
Жаль, что бицепсов нет на мозгах.
Жизнь за понты
Или жизнь для понтов
Всё в наших руках

Я покинул родимый дом,
Дорогую оставил Русь.
Потрудившись вчера за столом
Я сегодня питаю грусть.

Глянет белочка мне в окно,
Подмигнёт и растает как сон.
Я устал от радушия, но

Я радушием этим польщён.

Я не скоро, не скоро вернусь!
Здесь, в Асгарде, я сыт и пьян.
Но зовёт снова в дальний путь
Мой товарищ, царевич Иван.

И я знаю, есть радость в пути,
Хоть уже я устал слегка.
Тяжело свои кости нести.
Пожалейте меня, старика.

Жил-был на свете царевич простецкий,
Бросила мама, он грустил не по-детски.
Пришёл папаня: а вот тебе заданье!
Женись-ка, мой хороший, только хлопну в ладоши,
Лук натяни, жену подбери,
И счастье семейное ты обрети.

Но вдруг налетели на супругу тени
Ну, как тени – киборги, говорят: Полетели
А что же царевич? Собрался в дорогу
Вперёд в Верхний мир. К Кощею, не к богу.

В дороге царевич встретил поэта.

Стихи у поэта все читаны где-то.
Но сила всё ж есть в плагиаторском слове,
Недаром зовётся Арозом Азорин.

Попались в дороге Яга боевая,
Русалка, медведь и друган его зая.
И блогер известный – зовут Антуан.
Любитель экзотики, странствий и стран.

Устроили, в общем, в Москве заварушку,
Случайно спасли всяку разну зверушку,
Нашли Василису в логове Лиха,
Но прибыл Кощей. Подкрался, гад, тихо.
Не сдрейфили парни, завязалась драка,
Враг был силён, натерпелися страха.
Царевич чуть было не сгинул в бою,
При смерти был, можно сказать на краю.
Кошеево царство с небес уронили,
Супругу спасли и отца починили.

А дальше – вновь мирная жизнь, как по нотам:
Но в небе опять замаячило что-то,
Ароз с Антуаном спустились на землю.
– Царевич, летим! – озадачили целью.
Мол, мамку твою мы найдём по пути,
Спасём всех на свете. Царевич, лети!

И вот прилетели. Геройские асы
В тавернах сидят и пьют свои квасы,
Спускаться на землю они не хотят,
А батька их Один боится котят.

И треснет морда пополам от всех пиров,
И льются вновь потоки слов из разных ртов.
Я рад был видеть вас за праздничным столом.
Всем до свиданья. Мы с супругою пойдём.

Глупое сердце, не бейся!
Все мы обмануты счастьем,
Нищий лишь просит участия...
Глупое сердце, не бейся.

Часть 2. На дне

1

Я нёсся вниз со всё возрастающей скоростью, а чудо-машина летающего дверга никак не хотела заводиться. Храбрость, вызванная коктейлем Труд, выветрилась в первые секунды полёта. И теперь моё сердце бешено рвалось прочь из груди, которая, по его мнению, должна была в ближайшее время разлететься на куски от удара на бешеной скорости обо что-нибудь твёрдое. Вот уже внизу показались деревья и серая морская гладь, а я всё стучал и стучал себя в грудь в районе лямок ранца. Да какого ж Карлсона оно не работает!?

– Работай! – воскликнул я и снова ударил по лямке.

К моему несказанному облегчению, меня вдруг дёрнуло, да так, что я перевернулся в воздухе, а потом падение замедлилось. И тут же мне в спину что-то больно стукнулось. Раздалось обиженное «кар», и я, развернувшись от удара на 180 градусов, успел заметить несколько чёрных перьев, плавно опускающихся вниз. И лишь после этого я ощутил дрожание пропеллера.

«Тебе ещё повезло, пернатое», – подумал я, представив, как в мясорубку за моей спиной попадает какая-нибудь ворона.

Несмотря на заработавший движок, я, хоть и медленно, но продолжал снижаться. Поразмыслив, я пришёл к выводу, что всё идёт хорошо. Не летать же мне тут до скончания веку. Самое приятное в ситуации оказалось то, что у меня имелась свобода выбора. Подо мной были и море, и суша. Правда, следов обитания человека я не заметил ни там, ни там.

С одной стороны, приземляться на воду мягче. Мокрее, но костюм у меня как раз и предназначен для водной стихии. Ботинки вымокнут, не без того – я ж не в ластах по Асгарду разгуливал. Но замёрзнуть мне не грозит – костюм с подогревом.

С другой стороны, логичнее искать людей на суше. Да и самому мне сподручнее ходить по твёрдой поверхности.

Короче, кое-как я вырулил на относительно ровную поверхность, без деревьев и острых камней, метрах в ста

от кромки воды. Ещё через несколько минут я почти плавно приземлился, слегка отбив пятки. Стукнул себя в грудь, и на этот раз пропеллер вырубился с первого раза. Я тут же скинул тяжёлый агрегат и растёр ладонями плечи.

Так. И куда дальше? Что мне делать на этом безлюдном берегу? Кажется, я впервые за время всего путешествия остался в полном одиночестве. Так что здесь не было никого, кто мог бы подсказать мне направление дальнейшего движения.

Почему-то я вспомнил гору, на которую я попал в царстве Кощея, того, первого. Тогда, помнится, тоже поначалу было грустно и одиноко. Но в том мире я твёрдо знал, что за мной наблюдают. А потому принял решение сотворить какое-нибудь непотребство, дабы наблюдатель себя проявил.

Вот только здесь, в реальности, чтобы сотворить настоящую дичь, надо ещё постараться. И не факт, что кого-то сие безобразие заинтересует.

Потом меня посетила другая мысль. А что, если попробовать связаться с Ахти? Вода, вроде, по всему нижнему миру связана. Ладожское озеро отсюда, конечно, далеко, но если даже Щуке удалось услышать меня, когда я был у Невы, то почему бы и с Вяйнемёйненом не попробовать? А если удастся со Щукой – пусть. Девчонка тоже может чего-нибудь подсказать.

Я подошёл к берегу и, стараясь не поскользнуться на мокрых валунах, стал приближаться к кромке воды. Налетевшая

волна окатила меня холодными брызгами. Я слизнул солёную каплю с губы. Ещё шаг, и ещё. И вот я окунаю свои ладони в ледяные волны.

«Ну-ка, вспомним, чему там меня учил Ахти Вяйнемейнен. Попробую почувствовать, кто там, в море-океане, живёт».

Я постарался отрешиться от всех проблем и углубиться сознанием в водную стихию. Впечатление морская вода оставляла какое-то жутко неприятное. Вязкая, как кисель. И горькая для всех остальных чувств, кроме вкуса, так и оставшегося солёным. Моё сознание с огромным трудом двигалось в этой среде. Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я уловил чьё-то присутствие. Я устремился к живому существу, попытался посмотреть его глазами, но тут же пожалел об этом. Ибо сознание моё обрело чересчур диковинные свойства.

Попытавшись ощутить свои конечности, я не смог их сосчитать. Да и длина их, похоже, была разной.

О! А вот и еда! Кто-то маленький и скользкий коснулся одной из моих лап. Или щупалец. Впрочем, ему уже было всё равно. Дёрнувшись, маленькое тельце застыло, а я принялся его обволакивать и пожирать. Тьфу, какая мерзость!

Я почувствовал, как меня, того, что оставался на берегу, начинает выворачивать наизнанку. Но и сознание морского существа отчего-то отпускать отказывалось. В общем, запаниковал я, заметался. Да только куда тут можно того, умет-

нуться?

Не знаю, сколько времени я пребывал в этом плачевном состоянии. А потом откуда-то из киселя страха и недоумения послышался смех. Совсем не обидный, да ещё к тому же девичий. Удивление моё оказалось столь велико, что я тут же осознал себя в собственном теле, неловко дёрнулся и в следующую секунду очутился в солёной и ледяной воде. Оказалось неожиданно глубоко. Я барахтался, видимо, около минуты, прежде чем что-то подтолкнуло меня снизу. Почувствовав под пальцами хоть и скользкие, но твёрдые камни, я уверенно пополз на выход из моря, как та безымянная протоамфибия, которая, по одной из версий, породила возникновение жизни на земле, дезертировав из водной среды.

2

Утвердившись на суше, я отдышался и поглядел туда, откуда только что вылез. Кто-то же помог мне выбраться, а значит будет и с кем поговорить. Но сколько я ни вглядывался в серо-зелёную, с белой пеной, рябь, никого не увидел.

– Ду зер дэн форкерте вэй, дрэнг! – донеслось откуда-то справа. В голосе слышалась игривость и некоторая надменность. И, да, он был девичьим.²

² – Какой-то ты неправильный, мальчик!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.